

HORNBLOWER

ЛЕЙТЕНАНТ
ХОРНБЛАУЭР
С. С. ФОРЕСТЕР

Хорнблауэр

Сесил Форестер
Лейтенант Хорнблауэр

«ВЕЧЕ»

1952

Форестер С. С.

Лейтенант Хорнблауэр / С. С. Форестер — «ВЕЧЕ»,
1952 — (Хорнблауэр)

ISBN 978-5-4444-7426-6

В чине младшего лейтенанта Хорнблауэр поступает на боевой линейный корабль, отплывающий из Плимута в Вест-Индию. И это хорошо, поскольку по ту сторону Ла-Манша по-прежнему неспокойно. Во главе Французской республики теперь стоит новый человек – молодой корсиканец, которого уже прозвали «самым опасным безумцем в Европе». Говорят, он хочет стать императором. Уплыть за горизонт, подальше от войны и политики, на другой край земли. Это – прекрасно. Но что за важная миссия ждет британских моряков в Карибском бассейне? Цель плавания знает только капитан, но он упорно молчит и отличается страшной, просто чудовищной подозрительностью. С чего бы это? Команда корабля начинает волноваться: Вест-Индия – это желтая лихорадка, ядовитые змеи и плохая вода.

ISBN 978-5-4444-7426-6

© Форестер С. С., 1952
© ВЕЧЕ, 1952

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	16
Глава IV	21
Глава V	30
Глава VI	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сесил Скотт Форестер

Лейтенант Хорнблауэр

© Cassette Productions Ltd, 1952

© Доброхотова-Майкова Е.М., перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Я нашел «Хорнблауэра» восхитительным и чрезвычайно увлекательным.

Уинстон Черчилль

«Хорнблауэр» – величайшая из серий в жанре военно-исторической прозы. Прекрасное путешествие, описанное удивительным языком, в обществе лучшего из спутников – Горацио Хорнблауэра.

Бернард Корнуэлл, автор книг о стрелке Шарпе

Хорнблауэр – это Гамлет на боевом корабле.
New York Times

Глава I

Лейтенант Уильям Буш прибыл на борт «Славы», когда та стояла на якоре в устье реки Теймар, неподалеку от Плимута. Он доложился вахтенному офицеру – высокому и довольно нескладному молодому человеку со впалыми щеками и меланхолическим выражением лица. Мундир на нем сидел так, словно он оделся в темноте и больше об этом не вспоминал.

– Рад видеть вас на борту, сэр, – сказал вахтенный. – Меня зовут Хорнблауэр. Капитан на берегу. Первый лейтенант десять минут назад ушел с боцманом на бак.

– Спасибо, – ответил Буш.

Он внимательно огляделся, примечая, как ведутся бесчисленные работы по подготовке корабля к долгому плаванию в отдаленных морях.

– Эй, вы! На сей-талях!¹ Помалу! Помалу! – кричал Хорнблауэр через плечо Буша. – Мистер Хоббс! Следите, что делают ваши люди!

– Есть, сэр, – последовал унылый ответ.

– Мистер Хоббс! Пройдите сюда!

Жирный мужчина с толстой седой косичкой вразвалку приблизился к стоящим на шкафуте Хорнблауэру и Бушу. Яркий свет слепил ему глаза, и он заморгал, глядя на Хорнблауэра; солнце осветило седую щетину на многочисленных подбородках.

– Мистер Хоббс! – Хорнблауэр говорил тихо, но прозвучавший в его словах напор удивил Буша. – Порох нужно загрузить дотемна, и вы об этом знаете. Так что не отвечайте на приказы подобным тоном. В следующий раз отвечайте бодро. Как вы заставите матросов работать, если сами скулите? Идите на бак и не забудьте, что я сказал.

Говоря, Хорнблауэр немного наклонился вперед. Сцепленные за спиной руки, вероятно, служили противовесом выставленному вперед подбородку, но в целом небрежная поза не соответствовала яростному напору его слов. При этом говорил он так тихо, что никто, кроме них троих, ничего не слышал.

– Есть, сэр, – сказал Хоббс, поворачиваясь, чтобы идти на бак.

Буш отметил про себя, что этот Хорнблауэр – горячая голова. Тут он встретился с ним взглядом и с изумлением увидел, как меланхолический глаз легонько ему подмигивает. Внутренним чутьем он понял, что свирепый молодой лейтенант совсем не так свиреп, и жар, с которым он говорил, – напускной, почти как если бы Хорнблауэр практиковался в иностранном языке.

– Только позволь им скулить, и они совсем разболтаются, – объяснил Хорнблауэр. – А Хоббс еще хуже других. Исполняющий обязанности артиллериста, причем очень плохой. Вконец обленился.

Двоедушие молодого лейтенанта покорило Буша. Человеку, который может напустить на себя притворный гнев и тут же легко его отбросить, доверять нельзя. Однако карий глаз щурился так заразительно, что честный голубой глаз Буша тоже подмигнул, почти помимо его воли. Буш почувствовал прилив неожиданной приязни к Хорнблауэру, но природная осторожность взяла верх над внезапным чувством. Впереди долгое плавание, и времени, чтобы составить взвешенное суждение, будет предостаточно. Пока Буш видел, что молодой офицер пристально его разглядывает, явно намереваясь спросить – о чем, мог догадаться даже Буш. В следующую секунду оказалось, что он не ошибся.

– Когда вы были назначены? – спросил Хорнблауэр.

– В июле девяносто шестого, – сказал Буш.

– Спасибо.

¹ См. краткий морской словарь в конце книги.

Ровный тон Хорнблауэра ничего не сообщил Бушу, и тому пришлось в свою очередь спросить:

– А вы?

– В августе девяносто седьмого, – сказал Хорнблауэр. – Вы старше меня. И Смита тоже – у него январь девяносто седьмого.

– Так вы, значит, младший лейтенант?

– Да, – ответил Хорнблауэр.

Судя по голосу, он ничуть не огорчился, что новоприбывший оказался старше, однако Буш без труда угадывал его чувства. Буш сам недавно был младшим лейтенантом на линейном корабле и прекрасно знал, что это такое.

– Вы будете третьим, – продолжал Хорнблауэр. – Смит – четвертый, я – пятый.

– Я буду третьим? – задумчиво, как бы самому себе, сказал Буш.

Каждый лейтенант имеет право пометать, даже если он, подобно Бушу, начисто лишен воображения. Возможность повышения существует, хотя бы теоретически: от гусеницы-лейтенанта до бабочки-капитана, иногда даже минуя стадию куколки – капитан-лейтенанта. Без сомнения, лейтенантов иногда продвигают по службе; по большей части, естественно, тех, у кого есть друзья при дворе или в парламенте, или тех, кому повезло привлечь внимание адмирала как раз тогда, когда открылась вакансия. Большинство капитанов в капитанском списке обязаны своим возвышением тому или иному из этих обстоятельств. Но иногда лейтенанта повышали за боевые заслуги – вернее сказать, при удачном стечении благоприятных обстоятельств и боевых заслуг, а это, как известно, дело случая. Если корабль исключительно отличился в некой исторической операции, первый лейтенант мог продвигнуться в звании (как ни странно, это считалось комплиментом капитану). В случае же гибели капитана заменивший его лейтенант (старший из оставшихся в живых) иногда получал чин даже за небольшой успех. С другой стороны, лихая шлюпочная операция, блестящий успех наземного десанта могут привести к повышению командовавшего ими лейтенанта – старшего, разумеется. Честно говоря, шансы ничтожны, но все-таки они есть.

Однако даже эти малые шансы по большей части относятся к первому лейтенанту; для младшего они и того меньше. Так что лейтенант, мечтающий о капитанском чине с его почетом, неплохим жалованьем и призовыми деньгами, вскоре вновь мысленно возвращался к теме своего старшинства. Если «Слава» окажется в далеких краях, где адмирал не сможет назначать на нее лейтенантами своих любимчиков, то всего две жизни будут отделять Буша от места первого лейтенанта с вытекающими отсюда шансами на повышение. Естественно, он думал об этом. Столь же естественно, он не думал о том, что стоящего перед ним человека отделяют от этого положения четыре жизни.

– Впереди Вест-Индия, – философски заметил Хорнблауэр. – Желтая лихорадка. Малярия. Ядовитые змеи. Плохая вода. Тропическая жара. Сыпной тиф. И в десять раз больше шансов на боевые действия, чем в Ламаншском флоте.

– Верно, – признательно согласился Буш. Оба молодых человека с их двумя-тремя годами лейтенантской выслуги (и свойственной молодости верой в свое бессмертие) могли с удовлетворением обсуждать опасности вест-индской службы.

– Капитан приближается, сэр, – торопливо доложил вахтенный мичман.

Хорнблауэр молниеносно поднес к глазу подзорную трубу и устремил ее на движущуюся к ним шлюпку.

– Совершенно верно, – сказал он. – Бегите на нос и доложите мистеру Бакленду. Боцманматы! Фалрепные! Поживей!

Капитан Соьер поднялся через входной порт, приложил руку к полям треуголки, приветствуя офицеров, и подозрительно огляделся. На корабле царил полный хаос, как всегда

перед дальним плаванием, но это едва ли оправдывало косые быстрые взгляды, которые бросал по сторонам Сойер.

У капитана было крупное лицо и длинный крючковатый нос, которым он, стоя на шканцах, поводил из стороны в сторону. Сойер заметил Буша; тот подошел и доложил.

– Вы поднялись на борт в мое отсутствие, так ведь? – спросил Сойер.

– Да, сэр. – Буш несколько удивился.

– Кто сказал вам, что я на берегу?

– Никто, сэр.

– Тогда как вы об этом догадались?

– Я не догадывался об этом, сэр. Я не знал, что вы на берегу, пока мне не сказал мистер Хорнблауэр.

– Мистер Хорнблауэр? Так вы знакомы?

– Нет, сэр. Я доложил ему по прибытии на борт.

– Значит, вы втайне от меня успели перекинуться несколькими словами с глазу на глаз?

– Нет, сэр.

Буш собирался было добавить «конечно, нет», но смолчал. Пройдя суровую жизненную школу, Буш научился не произносить лишних слов в разговоре со старшим офицером, склонным к раздражительности, что старшим офицерам вообще свойственно. В данном случае раздражительность казалась еще более неоправданной, чем обычно.

– Извольте запомнить, я не позволю никому сговариваться у меня за спиной, мистер... э... Буш, – сказал капитан.

– Есть, сэр.

Буш встретил испытующий взгляд капитана со спокойствием ни в чем неповинного человека, но при этом изо всех сил постарался скрыть изумление, а так как актер он был никудышный, борьба эта отразилась на его лице.

– Ваша вина написана у вас на физиономии, мистер Буш, – сказал капитан. – Я это запомню.

Он повернулся и пошел вниз, а Буш, стоявший до этого навтыжку, расслабился и обернулся к Хорнблауэру, чтобы выразить свое изумление. Ему очень хотелось порасспросить о необычном поведении капитана, но слова застряли у него в горле при виде деревянного, ничего не выражающего лица молодого офицера. Буш отвернулся, удивленный и немного обиженный. Он уже готов был записать Хорнблауэра в капитанские прихлебатели – или вместе с капитаном в безумцы, – когда краем глаза увидел, что голова Сойера вновь появилась над палубой. Видимо, у основания трапа тот решил вернуться, чтобы захватить врасплох обсуждающих его офицеров, – и Хорнблауэр знал привычки своего капитана лучше, чем Буш. Последний усилием воли заставил себя выглядеть естественно.

– Можно мне попросить у вас матросов, чтобы отнести вниз мой рундук? – спросил он, надеясь, что слова его не покажутся капитану такими вымученными, какими они прозвучали в его собственных ушах.

– Конечно, мистер Буш, – отвечал Хорнблауэр совершенно официально. – Позаботьтесь об этом, пожалуйста, мистер Джеймс.

– Ха! – фыркнул капитан, снова сбегая по трапу.

Хорнблауэр, глядя в сторону Буша, слегка приподнял бровь, но это был единственный знак, что поведение капитана несколько необычно. Буш, спускаясь за своим рундуком в каюту, с отчаянием осознал, что на этом корабле никто не решается открыто высказывать собственное мнение. Но «Слава» среди свиста и сутолоки готовилась к выходу в море, и Буш был на борту, по закону – один из ее офицеров. Оставалось лишь философски покориться судьбе. Придется пережить это плавание, если одна из тех причин, которые Хорнблауэр перечислил в первом разговоре, не избавит его от дальнейших хлопот.

Глава II

«Слава» лавировала к зюйду под зарифленными марселями. Западный ветер кренил ее на бок. Она шла в те широты, где ее подхватит северо-восточный пассат и понесет прямо к Вест-Индии. Ветер пел в туго натянутом такелаже, ревел в ушах балансирующего на палубе с правой стороны шканцев Буша. Один за другим огромные серые валы набегали на судно; сначала волну встречал правый борт, медленно поднимался, устремляя в небо бушприт, но не успевал закончиться килевой крен, как начинался бортовой. Корабль медленно-медленно наклонялся вбок, бушприт вставал все круче и круче. Бортовой крен еще продолжался, а нос уже соскальзывал с дальнего края волны, вспенивая воду; бушприт начинал двигаться по дуге вниз, и корабль тяжело-весело возвращался в горизонтальное положение. Тут ветер наклонял его, и тотчас же волна, уходя, поднимала корму, нос опускался, завершая штопор с тяжелым достоинством, какого и следует ожидать от громадного сооружения, несущего на палубах пятьсот тонн артиллерии. Крен на корму, на борт, подъем, крен на другой борт; это было чудесно, ритмично, это завораживало. Буш балансировал на палубе с легкостью, какую дает десятилетний опыт, и был бы почти счастлив, если бы крепчающий ветер не нес с собой необходимость взять еще один риф. По действующему на корабле постоянному приказу-инструкции это означало, что следует поставить в известность капитана.

Однако впереди оставались несколько благословенных секунд, пока можно стоять на качающейся палубе, предаваясь вольному полету мыслей. Не то чтобы Буш находил необходимость в размышлениях – он бы только улыбнулся, скажи ему кто-нибудь такое. Однако последние три дня пронеслись в сплошном круговороте, с того момента как пришел письменный приказ, получив который, Буш сразу простился с сестрами и матерью (он провел с ними три недели, после того как «Завоеватель» списал команду на берег) и поспешил в Плимут, подсчитывая по дороге оставшиеся в кармане деньги – точно ли хватит заплатить за почтовую карету. На «Славе», готовящейся к отплытию в Вест-Индию, царил спешка, и в прошедшие тридцать часов Буш не успел не то что поспать, а даже присесть. Первый раз ему удалось нормально отдохнуть ночью, когда «Слава» уже лавировала через залив. Но с самого прибытия на судно он был озабочен фантастическими настроениями капитана – то безумно подозрительного, то по-глупому беспечного. Буш никогда не был чувствителен к моральному климату – человек стойкий, он философски относился к необходимости исполнять свой долг в тяжелейших морских условиях, – однако подспудно ощущал напряженность и страх, пронизывающие жизнь «Славы». Он испытывал смутные недовольство и беспокойство, не зная, что это – свойственные ему формы напряженности и страха. За три дня в море Буш почти ничего не узнал о товарищах; он предполагал, что Бакленд – первый лейтенант – знает свое дело и уверен в себе, что второй лейтенант, Робертс, добр и беспечен; Хорнблауэр казался сообразительным и бойким, Смит – немного нерешительным. Но все это были только догадки. Все в кают-компании – лейтенанты, штурман, врач и баталер – держались замкнуто. В каком-то смысле это было правильно – Буш и сам не любил лишней болтовни, но в данном случае доходило до того, что разговоры ограничивались несколькими словами, и то строго по делу. Многое о корабле и его команде Буш быстро узнал бы, если бы другие офицеры решили поделиться своими наблюдениями за проведенный на «Славе» год. Однако за исключением Хорнблауэра, подавшего ему один-единственный намек в день прибытия, никто не проронил ни слова. Будь у Буша романтическое настроение, он представил бы себя призраком в обществе других призраков, отрезанных от людей и друг от друга, с неведомой целью бороздящих бескрайние моря. Как он догадывался, скрытность офицеров происходила от странных настроений капитана. Это вернуло его мысли к тому, что ветер все

усиливается и нужен второй риф. Он прислушался к пению такелаж, почувствовал наклон палубы под ногами и грустно тряхнул головой. Ничего не поделаешь.

– Мистер Уэллард, – сказал Буш стоявшему рядом волонтеру. – Доложите капитану, я думаю, нужен второй риф.

– Есть, сэр.

Через несколько секунд Уэллард снова появился на палубе.

– Капитан поднимется сам, сэр.

– Очень хорошо, – ответил Буш.

Произнося эти ничего не значащие слова, он не смотрел волонтеру в глаза – не хотел, чтобы Уэллард видел, как он воспринял эту новость, и не хотел знать, что выражает лицо Уэлларда. Вот появился капитан. Его спутанные длинные волосы развевались на ветру, крючковатый нос по обыкновению двигался из стороны в сторону.

– Вы хотите взять еще риф, мистер Буш?

– Да, сэр, – сказал Буш, ожидая язвительного замечания. К его приятному удивлению, замечания не последовало. Капитан казался почти добродушным.

– Очень хорошо, мистер Буш. Свистать всех наверх!

По всей палубе засвистели дудки.

– Все наверх! Все наверх брать рифы на марселях! Все наверх!

Матросы, выбегали на палубу; команда «Свистать всех наверх!» заставила офицеров покинуть кают-компанию и мичманскую каюту. С расписанием постов в карманах они спешили убедиться, что недавно реорганизованная команда заняла свои места. В шуме ветра слышались приказы капитана. Матросы встали к фалам и риф-талям. Корабль качался в сером море под серым небом, и неморяк удивился бы, как в такую погоду вообще можно устоять на палубе, не то что карабкаться по вантам. В самый разгар маневра капитанский приказ прервал юный, срывающийся от возбуждения голос:

– Стой! Стой выбирать!

В голосе звучала такая убежденность, что матросы послушно остановились. Капитан закричал с полуюта:

– Кто отменяет мой приказ?

– Это я, Уэллард, сэр.

Молодой волонтер повернулся к корме и громко кричал, чтоб его было слышно против ветра. Со своего места Буш видел, как капитан подошел к леерному ограждению полуюта. Его трясло от гнева, нос указывал вперед, словно ища жертву.

– Вы об этом пожалеете, мистер Уэллард. О да, вы пожалеете.

Рядом с Уэллардом появился Хорнблауэр. С самого отплытия из Плимутской бухты он был зелен от морской болезни.

– Риф-сезень зацепился за блок риф-талей, сэр, с наветренной стороны! – крикнул он.

Буш, отойдя немного, увидел, что так оно и есть. Если бы матросы продолжали тянуть за трос, порвался бы парус.

– Как вы смеете вставать между мной и ослушником?! – закричал капитан. – Бессмысленно его выгораживать!

– Здесь мой пост, сэр, – отвечал Хорнблауэр. – Мистер Уэллард исполнял свой долг.

– Заговор! – произнес капитан. – Вы с ним стакнулись!

В ответ на это невероятное обвинение Хорнблауэр только застыл навтыжку, обратив к капитану бледное лицо.

– Отправляйтесь вниз, мистер Уэллард! – заревел капитан, поняв, что ответа не последует. – И вы тоже, мистер Хорнблауэр. Я разберусь с вами через несколько минут. Слышите меня? Вниз! Я вас научу, как строить козни!

Это был приказ, и надо было подчиняться. Хорнблауэр и Уэллард медленно двинулись к корме. Было заметно, что Хорнблауэр не смотрит в сторону мичмана, чтоб нечаянно не обменяться с ним взглядом и не навлечь на себя новое обвинение в сговоре. Под пристальным наблюдением капитана оба спустились вниз. Когда они сошли по трапу, капитан вновь поднял свой большой нос.

– Пошлите матроса освободить риф-таль, – приказал он, повысив голос лишь настолько, чтобы перекрыть ветер. – Выбирай!

Второй риф на марселях был взят, и матросы начали слезать с реев. Капитан совершенно спокойно стоял у ограждения полуяута.

– Ветер отходит, – сказал он Бакленду. – Эй, наверху, пошлите матроса прижать стень-фордуны к обечайке! Команду к брасам с наветренной стороны! Ютовая команда! Нажать на грота-брас с наветренной стороны! Дружней нажимай, ребята! Хорошо, фока-рей! Хорошо, грота-рей! Ни дюйма больше!

Приказы отдавались разумно и здраво. Вскоре матросы уже стояли в ожидании, когда отпустят подвахтенных.

– Боцманмат! Передайте мои приветствия мистеру Ломаксу и скажите, что я желал бы видеть его на палубе.

Мистер Ломакс был баталером. Офицеры на шканцах невольно обменялись взглядами: невозможно было вообразить, зачем он понадобился на палубе.

– Вы посылали за мной, сэр? – спросил запыхавшийся Ломакс, поднимаясь на шканцы.

– Да, мистер Ломакс. Матросы выбирали грота-брас с наветренной стороны.

– Да, сэр.

– Теперь мы хотим наложить на него сплесень.

– Что, сэр?

– Что слышали. Мы собираемся наложить сплесень на грота-брас². Каждому матросу по глоточку рома. Да, и каждому юнге.

– Что, сэр?

– Что слышали. Я сказал, по глоточку рома. Я что, должен повторять свои приказы дважды? Каждому матросу по глоточку рома. Даю вам пять минут, мистер Ломакс, и ни секундой больше.

Капитан вынул часы и выразительно на них посмотрел.

– Есть, сэр, – ответил Ломакс. Ничего другого он сказать не мог. Однако секунду или две он стоял, глядя то на капитана, то на часы, пока длинный нос не поднялся в его сторону, а кустистые брови не начали сходиться. Тогда он повернулся и бежал: пяти минут, отведенных на исполнение невероятного приказа, ему едва хватало на то, чтобы собрать свою команду, отпереть кладовую, где хранилось спиртное, и вынести ром. Разговор между капитаном и баталером вряд ли могли слышать больше пяти-шести матросов, но наблюдали его все, и теперь переглядывались, не веря своему счастью. На некоторых лицах появились ухмылки, которые Бушу страстно хотелось стереть.

– Боцманмат! Бегите и скажите мистеру Ломаксу, что две минуты прошли. Мистер Бакленд! Попрошу вас собрать матросов!

Матросы столпились на шкафуте. Быть может, у Буша разыгралось воображение, но ему показалось, что они ведут себя расхлябанно. Капитан подошел к ограждению шканцев. Его лицо лучилось улыбкой, так не похожей на прежний оскал.

– Я знаю, где искать верность, ребята! – крикнул он. – Я видел ее. Я вижу ее сейчас. Я вижу ваши верные сердца. Я вижу ваш неустанный труд. Я вижу его, как вижу все, что

² «Наложить сплесень на грота-брас» на морском жаргоне означает выдать матросам по чарке рома. (Здесь и далее примечания переводчика)

творится на корабле. Все, я сказал. Предатели понесут наказание, а верность будет вознаграждена. Ура, ребята!

Матросы крикнули «Ура!», кто неохотно, кто с излишним воодушевлением. Из гроталюка появился Ломакс, за ним – четверо матросов, каждый с двухгаллонным бочонком в руках.

– Еле-еле успели, мистер Ломакс. Если бы вы опоздали, вам пришлось бы очень сильно пожалеть. Смотрите, чтобы при раздаче не случилось несправедливости, как на других кораблях. Мистер Бут! Идите сюда.

Толстый коротконогий боцман засеменил к нему.

– Надеюсь, ваша трость при вас?

– Да, сэр.

Бут продемонстрировал длинную, оправленную серебром трость из ротанговой пальмы. Через каждые два дюйма на дереве шли толстые узловатые сочленения. Все лентяи в команде знали эту трость, да и не только лентяи – в пылу возбуждения Бут имел обыкновение лупить ею направо и налево без разбору.

– Выберите двух самых крепких ваших помощников. Правосудие должно свершиться.

Теперь капитан не лучился и не скалился. На его крупных губах играла усмешка, но она ничего не означала и не отражалась в его глазах.

– За мной, – сказал капитан Буту и его помощникам. С этим он покинул палубу, оставив Буша уныло созерцать нарушение привычного корабельного распорядка и дисциплины, вызванное странным капризом капитана.

После того как ром был роздан и выпит, Буш смог отпустить подвахтенных и заняться тем, чтобы вновь заставить вахтенных работать, горькими словами ругая их за леность и безразличие. Он не испытывал никакого удовольствия, стоя на качающейся палубе, наблюдая движение корабля и бегущие атлантические валы, следя за поворотом парусов и рулевым у штурвала. Буш так и не осознал, что в этих повседневных делах можно находить удовольствие, но он чувствовал: что-то ушло из его жизни.

Бут и его помощники вернулись на бак, вот на шканцах появился Уэллард.

– Явился в наряд, сэр, – сказал он.

Лицо мальчика было белым и напряженным. Буш, пристально разглядывая, заметил, что глаза его чуть влажноваты. Шел Уэллард прямо и не сгибался. Возможно, гордость заставила его расправить плечи и поднять подбородок, но была и другая причина, по которой он не сгибал ноги в бедре.

– Очень хорошо, мистер Уэллард, – сказал Буш. Он вспомнил узлы на трости Бута. Он часто видел несправедливость. Не только мальчиков, но и взрослых мужчин иногда били незаслуженно. Когда это случалось, Буш мудро кивал: он считал, что встреча с несправедливостью жестокого мира необходимо входит в воспитание каждого. Взрослые мужчины переглядывались с улыбкой, когда мальчишек пороли. Они твердо знали, что это пойдет на пользу обеим сторонам; мальчиков били с начала времен и, если когда-нибудь, невероятным образом, мальчиков перестанут бить, это будет черный день для всего мира. Все так, и тем не менее Буш жалел Уэлларда. К счастью, надо было сделать одно дело, подходящее для настроения и состояния юного волонтера.

– Надо сверить песочные часы, мистер Уэллард, – сказал Буш, кивая в сторону нактоуза. – Как только в семь склянок перевернут получасовые часы, проверьте их минутными.

– Есть, сэр.

– Отмечайте каждую минуту на доске, если не хотите сбиться со счета, – добавил Буш.

– Есть, сэр.

Смотреть, как бежит песок в минутных склянках, быстро их переворачивать, отмечать на доске и снова смотреть – все это поможет Уэлларду отвлечься от своих неприятностей,

не требуя в то же время физических усилий. Буш сомневался в получасовых склянках, и проверить их будет неврдно. Уэллард, не сгибая ног, подошел к нактоузу и начал готовиться к наблюдениям.

Поводя носом из стороны в сторону, на палубе появился капитан. Настроение его снова изменилось: беспокойная суетливость улетучилась, он выглядел как человек, который хорошо пообедал. В соответствии с требованиями этикета, Буш при его появлении отошел на подветренную сторону шканцев, и капитан начал медленно прохаживаться с наветренной стороны, по многолетней привычке принаравливая шаг к бортовой и килевой качке. Уэллард взглянул на него и всецело погрузился в работу: только что пробили семь склянок и перевернули получасовые часы. Некоторое время капитан прохаживался взад-вперед. Остановившись, он изучил состояние атмосферы с наветренной стороны, почувствовал щекой ветер, внимательно посмотрел на колдунчик и вверх на марсели, убедился, что реи обра-соплены правильно, подошел к нактоузу, проверил, как рулевой держит курс. Все это было совершенно нормально, любой капитан любого корабля вел бы себя на палубе точно так же. Уэллард знал, что капитан близко и старался не выдавать беспокойства; он перевернул минутные склянки и сделал на доске пометку.

– Мистер Уэллард работает? – спросил капитан. Говорил он сбивчиво и невразумительно, совсем не тем озабоченным тоном, что за несколько минут до того.

Уэллард, смотревший на склянки, ответил не сразу. Буш догадывался, что он придумывает самый безопасный и в то же время точный ответ.

– Так точно, сэр.

На флоте никогда сильно не ошибешься, отвечая так старшему.

– «Так точно, сэр», – передразнил капитан. – Мистер Уэллард понял, что значит интриговать против капитана, против своего законного начальника, поставленного над ним его всемилостивейшим величеством королем Георгом II?

На это было не так-то просто ответить. В склянках бежали последние песчинки, и Уэллард ждал, пока они пересыплются; «да» и «нет» могли оказаться равно роковыми.

– Мистер Уэллард невесел, – говорил капитан. – Быть может, мистер Уэллард размышляет о том, что ждет его впереди. «На реках Вавилонских мы сидели и плакали». Но мистер Уэллард горд и не плачет. И сидеть он тоже не будет. Нет, он постарается не садиться. Постыдная часть его тела расплатилась за его постыдное поведение. Взрослых мужчин за их вину бьют кошками по спине, но мальчишек, гадких испорченных мальчишек, наказывают иначе. Так ведь, мистер Уэллард?

– Да, сэр, – пробормотал несчастный. Ничего другого он сказать не мог, а отвечать было надо.

– Для такого случая как раз годится трость мистера Бута. Она знает свое дело. Согнутый над пушкой злоумышленник может поразмыслить о своих деяниях.

Уэллард перевернул склянки, а капитан, видимо, удовлетворившись, к огромному облегчению Буша, пару раз прошелся по палубе. Однако, проходя мимо Уэлларда, капитан остановился на полушаге и снова заговорил; теперь голос его стал пронзительным.

– Так вы вступили в сговор против меня? – спросил он. – Вы хотели выставить меня на посмешище перед матросами?

– Нет, сэр. – Уэллард встревожился. – Нет, сэр, конечно, нет, сэр.

– Вы и этот щенок Хорнблауэр. Мистер Хорнблауэр. Вы замыслили принизить мою законную власть.

– Нет, сэр!

– Только матросы верны мне на этом корабле, где все остальные сговорились против меня. И вы коварно искали способ уменьшить мое влияние на них. Выставить меня смешным в их глазах. Сознаться!

– Нет, сэр. Я этого не делал, сэр.

– Зачем отрицать? Это ясно, это логично. Кто придумал зацепить риф-сезень за блок риф-талей?

– Никто, сэр. Он...

– Кто отменил мой приказ? Кто опозорил меня перед обеими вахтами, когда все матросы были на палубе? По всем признакам это детально продуманный план.

Капитан стоял, сцепив за спиной руки и легко балансируя на палубе. Ветер хлопал полами его сюртука и отдувал волосы на щеки, но Буш видел, что капитан трясется от гнева, если не от страха. Уэллард вновь перевернул минутные склянки и сделал пометку на доске.

– Так вы потому прячете лицо, что на нем написана ваша вина, – неожиданно заорал капитан. – Вы делаете вид, будто заняты, думаете меня обмануть! Лицемер!

– Я приказал мистеру Уэлларду сверить часы, сэр, – сказал Буш.

Ему не хотелось вмешиваться, но вмешаться было все-таки легче, чем просто стоять и слушать. Капитан посмотрел на него так, словно впервые увидел.

– Вы, мистер Буш? Вы прискорбно заблуждаетесь, если полагаете, что в этом молодом человеке есть хоть капля хорошего. Разве что... – лицо капитана на мгновение исказил страх, – разве что вы сами замешаны в этом позорном деле. Но ведь это не так, мистер Буш? Я всегда был о вас лучшего мнения, мистер Буш.

Испуганное выражение сменилось чарующим благодушием.

– Да, сэр, – ответил Буш.

– Весь мир ополчился против меня, но я всегда полагался на вас, мистер Буш, – продолжал капитан, бросая беспокойные взгляды из-под бровей. – Так что вы должны радоваться, когда это дьявольское отродье получает по заслугам. Мы добьемся от него правды.

Буш чувствовал: быстрый на язык сообразительный человек мог бы использовать новое настроение капитана, чтобы вызволить Уэлларда из беды – разыграть верного друга, высмеять в то же время мысль о заговоре, успокоить страхи капитана. Так он чувствовал, но не полагался на себя.

– Он ничего не знал, сэр, – сказал Буш, выдавив ухмылку. – Он не отличит гик от ватерштага.

– Вы так думаете? – с сомнением произнес капитан, качаясь на каблуках вместе с кренящимся судном. Казалось, он поверил, но тут ему в голову пришли новые соображения.

– Нет, мистер Буш. Вы слишком честны. Я это понял, как только вас увидел. Вы не знаете, в какую пучину зла может погрузиться человек. Этот негодяй вас обманул. Обманул вас!

Голос капитана перешел в хриплый визг. Уэллард повернул к Бушу побелевшее, искаженное от страха лицо.

– Право, сэр... – начал Буш, снова выдавливая ухмылку, похожую на оскал черепа.

– Нет, нет, нет! – орал капитан. – Правосудие должно совершиться! Правда должна выйти на свет! Я ее от него добьюсь! Старшина-рулевой! Бегите на нос и скажите мистеру Буту идти сюда. И его помощникам.

Капитан заходил по палубе, как если бы открыл выпускной клапан, сбрасывая лишнее давление. Неожиданно он обернулся:

– Я от него добьюсь! Или он за борт выпрыгнет! Вы меня слышите? Где боцман?

– Мистер Уэллард не закончил проверять часы, сэр. – Буш предпринял последнюю слабую попытку оттянуть дело.

– И не закончит, – сказал капитан.

Вот и боцман, семенит короткими ногами, за ним два помощника.

– Мистер Бут! – сказал капитан. Его настроение опять изменилось, на губах играла невеселая улыбка. – Возьмите этого негодяя. Справедливость требует, чтобы вы снова заня-

лись им. Еще дюжина ударов тростью, да как следует. Еще дюжина – и он запоем как миленький.

– Есть, сэр, – ответил боцман, но он колебался.

Это походило на живую картину: капитан в хлопающем сюртуке, боцман просительно глядит на Буша, дородные боцманматы стоят за ним, словно истуканы; рулевой, внешне безразличный ко всему, держит штурвал, глядя на марсели, несчастный мальчик сжался возле нактоуза – все это под серым небом, а кругом, до горизонта, безжалостное серое море.

– Отведите его на главную палубу, мистер Бут, – сказал капитан.

Это было неизбежно; за словами капитана стояла власть парламента и освященная веками традиция. Поделаться ничем было нельзя.

Уэллард положил руки на нактоуз, словно собирался вцепиться в него и держать, пока его не уташат силой. Однако он опустил руки по швам и последовал за боцманом. Капитан, улыбаясь, проводил его взглядом.

Буш был рад, когда его отвлек старшина-рулевой, доложивший:

– Десять минут до восьми склянок, сэр.

– Очень хорошо. Будите подвахтенных.

Хорнблауэр появился на шканцах и подошел к Бушу.

– Не вы должны меня сменять, – сказал тот.

– Нет, я. Приказ капитана.

Хорнблауэр говорил без всякого выражения. Буш уже привык, что офицеры на корабле держатся скрытно, и знал, по какой причине. Однако любопытство заставило еще спросить:

– Почему?

– Мне назначено двухвахтное дежурство, – бесстрастно ответил Хорнблауэр. – До дальнейших распоряжений.

Говоря это, он смотрел на горизонт, лицо его не выражало никаких чувств.

– Плохо дело, – сказал Буш и тут же засомневался: не слишком ли далеко зашел, выразив таким образом сочувствие? Однако поблизости никого не было.

– В кают-компании не давать мне спиртного, – продолжал Хорнблауэр, – до дальнейших распоряжений. Ни моего, ни чьего-либо еще.

Для некоторых офицеров это было наказание похлеще двухвахтного дежурства – четыре часа на посту и четыре часа отдыха, – но Буш слишком мало знал о привычках Хорнблауэра, чтобы судить, так ли это в его случае. Он собирался еще раз сказать «плохо дело», когда завывания ветра прорезал дикий вопль. Через мгновение он повторился громче. Хорнблауэр, не меняясь в лице, смотрел на горизонт. Буш, глядя на него, решил не обращать внимания на крики.

– Плохо дело, – сказал он.

– Могло быть хуже, – ответил Хорнблауэр.

Глава III

Было воскресное утро. «Слава», подхватив северо-восточный пассат, стремительно неслась через Атлантику. С обеих сторон были поставлены лиселя. Ревущий ветер ритмично кренил судно, под высоко поднятым носом корабля то и дело взвивался фонтан брызг, и в нем на мгновение возникала радуга. Громко и чисто пели натянутые тросы, сплетая свои дискант и тенор с баритоном и басом скрипящей древесины, – симфония морей. Несколько ослепительно белых облаков плыли по небу, меж ними светило животворное солнце, отражаясь в бесчисленных гранях лазурного моря.

В этом изысканном обрамлении корабль был утонченно красив, его высоко поднятый нос и ряды пушек дополняли картину. То был великолепный боевой механизм, повелитель волн, по которым он сейчас летел в гордом одиночестве. Само это одиночество говорило о многом: военно-морские силы противников закупорены в портах, заблокированы стоящими на страже эскадрами, и «Слава» может держать свой курс, никого не страшась. Ни одно тайком прорвавшее блокаду судно не сравнится с ней силой; в море нет ни одной вражеской эскадры, способной ее атаковать. «Слава» может насмехаться над неприятельскими берегами: все враги заперты и бессильны, она может нанести свой могучий удар там, где сочтет нужным. И сейчас она неслась по волнам, чтобы нанести такой удар по слову лордов Адмиралтейства.

На главной палубе выстроилась вся корабельная команда, люди, занятые бесконечным трудом по поддержанию этого механизма в рабочем состоянии, устранением постоянных неполадок, причиняемых морем, погодой и даже просто течением времени. Снежно-белые палубы, яркая краска, точное и правильное расположение рангоута и такелажа – все свидетельствовало о прилежности их работы. А когда «Славе» придет время высказать последний аргумент в споре о морском владычестве, именно они встанут к пушкам. Да, «Слава» – великолепная боевая машина, но своей мощью она обязана усилиям слабых человеческих созданий. Они, как и сама «Слава», служат лишь крошечными винтиками еще большей машины – королевского флота. В большинстве своем привыкшие к освященным временам флотским традициям и дисциплине, они вполне удовлетворялись ролью винтиков, необходимостью мыть палубу и ставить паруса, направлять пушки или обрушиваться с абордажными саблями на вражеский фальшборт. Они не задумывались, указывает нос судна на север или на юг, француз ли, испанец ли, немец рухнет под их ударом. На сегодня только капитан знал, с какой целью и куда лорды Адмиралтейства (очевидно, после обсуждения с кабинетом министров) направляют «Славу». Известно было только, что она держит курс в Вест-Индию, но куда именно и зачем – знал лишь один человек из семисот сорока на палубах «Славы».

В то воскресное утро на палубу выгнали всех, кого можно: не только обе вахты, но и «бездельников», не несших вахт – трюмных, работавших так глубоко вниз, что многие из них неделями в буквальном смысле слова не видели белого света, купора и его помощников, парусного мастера, кока и вестовых. Все были в лучшей одежде. Офицеры в треуголках и при шпагах стояли рядом со своими отделениями. Лишь вахтенный офицер с помогавшим ему мичманом, старшина-рулевой у штурвала, впередсмотрящие да еще с десятков матросов, необходимых для управления судном в случае совершенно непредвиденных обстоятельств, не стояли на шкафуте по стойке «смирно» в покачивающихся вместе с палубой рядах.

Утро было воскресное, и вся команда стояла с непокрытыми головами, слушая капитана. Однако их собрали не для церковной службы. Эти люди обнажили головы не для того, чтоб поклониться своему Творцу. Богослужению отводились три воскресенья в месяц, но тогда корабль не обыскивали так тщательно, добиваясь присутствия всех членов команды. Веротерпимое Адмиралтейство недавно освободило католиков, иудеев и даже диссентеров

от обязанности присутствовать на корабельных службах. Сегодня было четвертое воскресенье, когда поклонение Богу отменялось ради более строгой, более торжественной церемонии, требовавшей тех же чистых рубашек и обнаженных голов, но не опущенных глаз. Напротив, каждый прямо смотрел вперед. Шляпы все держали перед собой, и ветер трепал им волосы: они слушали закон, всеохватывающий, как Десять Заповедей, кодекс, строгий, как Книга Левит, – каждое четвертое воскресенье месяца капитан вслух читал команде Свод законов военного времени, чтобы даже неграмотные не смогли потом оправдаться своим незнанием. Религиозный капитан мог втиснуть перед этим небольшое богослужение, но чтение Свода законов было обязательно.

Капитан перевернул страницу.

– Статья девятая, – читал он. – «Если кто-либо на флоте созовет или попытается созвать мятежную сходку с любой противоправной целью, лица, повинные в этом преступлении и признанные таковыми трибуналом, подлежат смерти».

Буш, стоявший рядом со своим отделением, слушал эти слова, как слушал их десятки раз до того. Он слышал их так часто, что обычно оставлял без внимания; вот и слова предыдущих восьми статей он пропустил мимо ушей. Но девятую статью он услышал отчетливо. Возможно, капитан читал ее с особым ударением; кроме того, Буш, поднявший в ярком солнечном свете глаза, увидел Хорнблауэра, несшего вахту. Тот тоже слушал, стоя у ограждения шканцев. И это слово «смерть». Оно прозвучало как всплеск упавшего в колодец камня, и это было странно, потому что и в первых статьях, которые читал капитан, это слово повторялось часто – смерть уклонившемуся от опасности, смерть заснувшему при несении вахты.

Капитан продолжал читать:

– «Всякий, подстрекающий к мятежу, повинен смерти... Если офицер, морской пехотинец или нижний чин проявит непочтительность по отношению к старшему по званию офицеру...»

Сейчас, когда Хорнблауэр смотрел на Буша, эти слова значили гораздо больше; он почувствовал какое-то беспокойство. Буш глянул на капитана, нечесаного, неряшливо одетого, и вспомнил события последних нескольких дней. Если был в мире человек, абсолютно не способный к исполнению своих обязанностей, то это был капитан, однако его неограниченную власть утверждал тот самый Свод законов, который он сейчас читал. Буш снова поглядел на Хорнблауэра; он чувствовал, что знает наверняка, о чем тот думает, стоя у ограждения шканцев. Странно было жалеть этого неуклюжего, угловатого молодого лейтенанта, с которым он так мало знаком.

– «Если офицер, морской пехотинец, нижний чин или другое лицо на флоте, – капитан дошел до XXII статьи, – осмелится вступить в ссору с кем-нибудь из старших по званию офицеров либо не подчинится законному приказанию, таковое лицо подлежит смерти».

Буш до сих пор не обращал внимания, как настойчиво Свод законов возвращается к этой теме. Буш всегда спокойно подчинялся дисциплине, философски убеждая себя, что несправедливость и некомпетентность начальства можно стерпеть. Теперь он четко видел, почему их надо терпеть. И как бы для того, чтобы забить последний гвоздь, капитан читал последнюю статью, восполняющую последние пробелы.

– «Все другие преступления, совершенные лицом или лицами на флоте, не упомянутые в настоящем документе...»

Буш вспомнил эту статью. С ее помощью офицер может добить подчиненного, у которого хватило ума не подпасть под действие предыдущих статей.

Капитан прочел последние мрачные слова и оторвал взгляд от страницы.словно наводимая пушка, двинулся из стороны в сторону длинный нос, указывая на каждого офицера по очереди; небритое лицо выражало злобное торжество. Казалось, читая эти статьи, капитан

на время победил страх. Он расправил грудь и даже встал на цыпочки, готовясь произнести заключительные слова.

– Вы должны знать, что все эти статьи относятся к моим офицерам точно так же, как и ко всем остальным.

Буш не поверил своим ушам. Невероятно, чтобы капитан говорил команде такие слова. Невозможно представить более губительную для дисциплины речь. Дальше капитан продолжал, как обычно:

– Приступайте, мистер Бакленд.

– Есть, сэр. – Бакленд выступил вперед, цепляясь за привычный ход дела. – Шляпы надеть!

Церемониал закончен; офицеры и матросы покрыли головы.

– Дивизионные офицеры, прикажите дивизионам разойтись!

Оркестр морской пехоты ждал этого мгновения. Тамбур-сержант взмахнул палочкой, и барабаны гулко зарокотали. Пронзительно и мелодично засвистели дудки. «Ирландская прачка» – отрывистая и бодрая. Щелк-щелк – морские пехотинцы взяли ружья на плечо. По приказу своего командира, Уайтинга, красные ряды пехотинцев двинулись в обе стороны по шканцам. Капитан Сойер смотрел, как течет нормальная корабельная жизнь. Теперь он заговорил громче:

– Мистер Бакленд!

– Сэр!

Капитан поднялся на две ступеньки по шканцевому трапу, так что всем его было видно, и заговорил нарочито громко, чтобы слышало как можно больше народу.

– Сегодня каболкино воскресенье.

– Есть, сэр.

– И двойная порция рома моим славным ребятам.

– Есть, сэр.

Бакленд изо всех сил пытался скрыть недовольство. Вместе с предыдущими словами капитана это было уже слишком. Каболкино воскресенье означает, что матросы проведут остаток дня в праздности. Двойной ром в таком случае почти наверняка вызовет ссоры и драки между матросами.

Буш, идущий по главной палубе в сторону кормы, отчетливо видел, как в команде, избалованной капитаном, нарастает беспорядок. Невозможно поддерживать дисциплину, когда капитан игнорирует любой неблагоприятный рапорт со стороны офицеров. Задиры и скандалисты оставались безнаказанными; хорошие матросы начали отлынивать от работы, а плохие сделались и вовсе неуправляемы. «Славные ребята», – сказал капитан. Матросы прекрасно знают, как вели себя последнюю неделю. Раз капитан после этого назвал их «славными ребятами», в следующую неделю они будут вести себя еще хуже. Кроме того, все матросы прекрасно видели, как капитан обращается с лейтенантами, как грубо им выговаривает, как жестоко их наказывает. Пословица гласит: «что сегодня в кают-компании на жаркое, завтра будет нижней палубе на похлебку» – все, происходящее на шканцах, в искаженном виде обсуждается на баке. Трудно ожидать, что матросы станут подчиняться офицерам, которых откровенно презирает капитан. Буш, поднимавшийся на шканцы, был обеспокоен.

Капитан ушел к себе. Бакленд и Робертс стояли возле коечных сеток. Они были погружены в разговор, и Буш присоединился к ним.

– Эти статьи относятся к моим офицерам, – сказал Бакленд, когда он подошел.

– Каболкино воскресенье и двойной ром, – добавил Робертс. – Все для этих славных ребят.

Прежде чем продолжить, Бакленд украдкой огляделся. Жалко было видеть, как первый лейтенант линейного корабля озирается, боясь, что его подслушают. Но Хорнблауэр и Уэл-

лард стояли по другую сторону штурвала. На полуюте штурман вел занятия по навигации: мичманы с секстанами проводили полуденные наблюдения.

– Он сумасшедший, – сказал Бакленд так тихо, как позволял северо-восточный ветер.

– Мы все это знаем, – ответил Робертс.

Буш ничего не сказал. Он не хотел себя компрометировать.

– Клайв пальцем не шевельнет, – сказал Бакленд. – Дурак набитый.

Клайв был судовым врачом.

– Вы его спрашивали? – поинтересовался Робертс.

– Пытался. Но он не скажет ни слова. Он боится.

– Ни с места, джентльмены, – вмешался резкий голос – хорошо знакомый голос капитана. Он раздавался на уровне палубы у самых их ног. Все три офицера вздрогнули от изумления.

– Налицо все признаки вины! – гремел голос. – Вы свидетель, мистер Хоббс.

Офицеры оглянулись. Световой люк капитанской каюты был приоткрыт, и капитан глядел на них в щелку; видны были только его нос и глаза. Росту он был высокого и, став на что-нибудь, на книги или на скамеечку, сумел заглянуть за комингс светового люка. Замерев, офицеры ждали. Еще одна пара глаз выглянула из светового люка. Они принадлежали Хоббсу, исполняющему обязанности артиллериста.

– Ждите, пока я подойду к вам, джентльмены. – После слова «джентльмены» капитан фыркнул. – Очень хорошо, мистер Хоббс.

Оба лица исчезли из светового люка. Офицеры едва успели обменяться отчаянными взглядами, как капитан уже поднялся по трапу.

– Я полагаю, это мятежная сходка, – сказал капитан.

– Нет, сэр, – отвечал Бакленд. Все, кроме категорического отрицания, было бы признанием вины – вины, способной затянуть веревки на их шеях.

– Вы лжете мне на моих же шканцах! – заорал капитан. – Я был прав, когда подозревал своих офицеров. Они интригуют. Шепчутся. Сговариваются. Замышляют мятеж. А теперь проявляют ко мне величайшее неуважение. Я сделаю все, чтобы вы об этом пожалели, мистер Бакленд.

– Я не хотел вас обидеть, сэр, – запротестовал Бакленд.

– Вы лжете мне прямо в лицо! А вы двое подстрекали его! Вы ему поддакивали! До сих пор я был о вас лучшего мнения, мистер Буш.

Буш решил, что разумнее не отвечать.

– Молчаливая наглость, да? – продолжал капитан. – Тем не менее вы не прочь посудачить, когда думаете, что я вас не вижу.

Капитан пристальным взглядом обвел шканцы.

– А вы, мистер Хорнблауэр, – произнес он, – не сочли нужным доложить мне об этой сходке. Тоже мне вахтенный офицер! Конечно, и мистер Уэллард здесь. Этого следовало ожидать. Боюсь, мистер Уэллард, у вас будут неприятности из-за этих джентльменов. Плоховато вы следили, чтобы их никто не заметил. Вы в очень неприятном положении, мистер Уэллард. У вас нет на этом корабле ни единого друга, кроме дочки артиллериста, которую вам вскоре предстоит целовать.

Капитан высился над шканцами, его взгляд был устремлен на несчастного Уэлларда, который заметно съежился под этим взглядом. Целовать дочку артиллериста означало быть битым на пушке.

– Но у меня будет вдоволь времени разобраться с вами мистер Уэллард. Сперва лейтенанты, как требует их высокий чин.

Капитан оглядел лейтенантов. Страх и торжество поочередно сменялись на его лице.

– Мистер Хорнблауэр уже несет двухвахтное дежурство, – сказал он. – Вследствие этого вы наслаждались бездельем, а леность, как известно, мать всех пороков. Мистер Бакленд не стоит на вахте. Могущественный и честолюбивый первый лейтенант...

– Сэр... – начал Бакленд и тут же прикусил язык. Слово «честолюбивый», без сомнения, означало, что он помышлял захватить власть на корабле, однако трибунал не усмотрит такого смысла. Само собой, каждый офицер честолюбив, и сказать ему это – не оскорбление.

– Сэр! – передразнил капитан. – Сэр! Так у вас хватает ума или хитрости придерживать язык. Но вы не уйдете от расплаты за ваши дела. Мистер Хорнблауэр может оставаться на двухвахтном дежурстве. Но эти два джентльмена будут докладываться вам при каждой смене вахт, а также в две, в четыре и в шесть склянок каждой вахты. Докладывая, они должны быть одеты по форме, а вы должны выслушивать их полностью проснувшись. Ясно?

Все трое от изумления лишились дара речи.

– Отвечайте!

– Есть, сэр, – вымолвил Бакленд.

– Есть, сэр, – сказали Робертс и Буш, когда капитан посмотрел на них.

– Попробуйте только позволить себе поблажки в исполнении моего приказа, – произнес капитан. – У меня есть способы проверить, слушаются меня или нет.

– Есть, сэр, – сказал Бакленд. Приговор капитана обрекал его, Робертса и Буша просыпаться и вставать через каждый час, днем и ночью.

Глава IV

В трюме стояла абсолютная, беспросветная тьма. Ночь над морем была безлунная, под тремя палубами, ниже уровня моря, сквозь дубовую обшивку слышался плеск воды, удары разрезаемых волн, ворчание и жалобы сжимаемой то бортовым, то килевым креном древесины. Буш спускался в темноте с крутого трапа, шаря ногой в поисках опоры. Нашупав ее, он шагнул вниз и оказался меж бочонков с водой. Пискнула и юркнула крыса, но здесь, в трюме, крыс следовало ожидать, и Буш без колебаний двинулся на ощупь к корме. Из темноты перед ним в многоголосом корабельном шуме послышался тихий свист. Буш остановился и зашипел в ответ. Его не смущала вся эта конспирация. Любые предосторожности были излишни, ибо речь буквально шла о жизни и смерти.

– Буш, – послышался шепот Бакленда.

– Да.

– Остальные здесь.

Десятью минутами раньше, в две склянки ночной вахты, Буш и Робертс по приказу капитана докладывались Бакленду в его каюте. Перемигнуться, сделать знак рукой, пошептаться было делом нескольких секунд – и вот они уже договорились встретиться. Абсолютно невероятно, чтобы лейтенантам королевского судна приходилось вести себя подобным образом из страха перед шпионами и соглядатаями, но это было необходимо. Они двинулись окольными путями и через разные люки. Хорнблауэр, которого Смит сменил на вахте, был уже здесь.

– Мы не должны тут надолго задерживаться, – прошептал Робертс.

Даже по шепоту, даже в темноте, чувствовалось, как он взволнован. Уж это, без сомнения, мятежная сходка, за которую их всех можно повесить.

– Что если мы объявим его не пригодным к командованию? – прошептал Бакленд. – Наденем на него наручники?

– Тогда нам придется действовать быстро и решительно, – сказал Хорнблауэр. – Иначе он позовет матросов, они могут его поддержать. И тогда...

Хорнблауэр мог не продолжать. Все присутствующие мысленно представили себя раскачивающимися на реях.

– Положим, мы будем действовать быстро и решительно, – согласился Бакленд. – Положим, мы наденем на него наручники. Что дальше?

– Тогда мы должны будем идти на Антигуа, – сказал Робертс.

– А там под трибунал, – произнес Буш, впервые заглядывая так далеко вперед.

– Да, – прошептал Бакленд.

В одном этом слогe слились волнение и отчаяние, безысходность и неверие.

– В том-то и дело, – прошептал Хорнблауэр. – Он даст показания. В суде все будет звучать иначе. Мы были наказаны, двухвахтное дежурство, не получали спиртного. Такое может случиться с каждым. Это не повод для мятежа.

– Но он портит матросов.

– Двойная порция рома. Время поштопать одежду, в суде это будет звучать совершенно нормально. Не наше дело – обсуждать методы капитана – так подумает суд.

– Но они его увидят.

– Он хитер. И он не буйнопомешанный. Он может говорить, у него на все найдутся объяснения. Вы его слышали. Он будет красноречив.

– Но он унижал нас перед матросами. Поручил Хоббсу за нами шпионить.

– Это будет лишним свидетельством того, в какой безвыходной ситуации он находился, окруженный такими преступниками, как мы. Если мы его арестуем, мы будем виновны, пока не докажем обратного. Любой трибунал примет сторону капитана. За мятеж вешают.

Хорнблауэр вложил в свою речь все сомнения, которые Буш чувствовал нутром, но не мог выразить словами.

– Верно, – пробормотал Буш.

– А как же Уэллард? – прошептал Робертс. – Вы слышали, как он кричал в последний раз?

– Он всего-навсего волонтер. Даже не мичман. Ни друзей. Ни родственников. Что скажут судьи, когда узнают, что капитан приказал раз шесть выпороть мальчишку? Они рассмеются. И мы бы посмеялись, если б не знали. Пойдет ему на пользу, скажут они, как пошло на пользу всем нам.

За этими непреложными словами последовала тишина, которую наконец прервал Бакленд, прошептавший несколько грязных ругательств. Однако они не принесли ему облегчения.

– Он обвинит нас, – прошептал Робертс. – Как только мы встретимся с другими кораблями. Я абсолютно уверен.

– Двадцать два года я служу лейтенантом, – сказал Бакленд. – Теперь он меня погубит. Он погубит всех вас.

Офицеры, которых капитан обвинит перед трибуналом в непочтительном и подрывающем дисциплину поведении, обречены. Все они это знали. Их отчаяние достигло предела. Обвинения, выдвинутые капитаном с его безумной злобой и хитростью, могут привести не только к увольнению со службы – они могут привести к тюрьме и веревке.

– До Антигуа дней десять, – сказал Робертс. – Если ветер останется попутным, а он останется.

– Неизвестно, на Антигуа ли мы идем, – возразил Хорнблауэр. – Это все наши домыслы. Могут пройти недели – даже месяцы.

– Господи, помилуй! – вымолвил Бакленд.

В отдалении послышались тихие быстрые шаги – звук совершенно отличный от шумов движущегося судна. Все вздрогнули. Буш сжал волосатые кулаки. Но всех успокоил голос, тихо окликнувший:

– Мистер Бакленд... Мистер Хорнблауэр... Сэр!

– Господи, Уэллард, – сказал Робертс.

Они слушали, как Уэллард пробирается к ним.

– Капитан, сэр! – сообщил Уэллард. – Он идет.

– Господи!

– Откуда? – быстро спросил Хорнблауэр.

– От рулевого люка. Я спустился в кокпит и пробрался сюда. Он послал Хоббса...

– Вы трое, идите к носу, – оборвал его объяснения Хорнблауэр. – К носу, и как только будете на палубе, расходитесь по одному. Быстро!

Никто не заметил, что Хорнблауэр отдает приказы офицерам, которые несравненно его старше. Каждая минута была драгоценна, нельзя было тратить время на колебания или глупые ругательства. Это стало ясно, как только Хорнблауэр заговорил. Буш повернулся к носу. Споткнувшись о невидимое препятствие, он больно расшиб подбородок и, убегая, слышал, как Хорнблауэр произнес: «Уэллард, за мной!»

Канатная кладовая – трап – и, наконец, невероятная безопасность нижней пушечной палубы. После полной темноты трюма здесь казалось даже светло. Бакленд и Робертс продолжали подниматься на главную палубу. Буш повернулся и двинулся к корме. Подвахтенные уже давно были в койках и спали крепко; их храп мешался с корабельными шумами.

Ряды плотно прижатых друг к другу гамаков сплошной массой раскачивались вместе с кренящимся судном. Далеко между рядами Буш различил огонек. Он приближался. Это был рожок со свечой, а нес его и.о. артиллериста Хоббс в сопровождении двух матросов. Он торопился. Увидев Буша, матросы переглянулись. Хоббс заколебался, и стало ясно, что ему очень хотелось бы спросить у Буша, как тот очутился на нижней пушечной палубе. Но есть вещи, которые и.о. уорент-офицера, будь он сто раз капитанским любимчиком, у лейтенанта спросить не может. На лице Хоббса отразилось разочарование. Очевидно, он спешил перекрыть все выходы из трюма, и теперь был в отчаянии, что Буш ускользнул. Матросы явно недоумевали, что это за кутерьма, да еще во время полуночной вахты. Хоббс посторонился, давая дорогу старшему по званию, и Буш, не глядя, прошествовал мимо. Удивительно, насколько уверенней он чувствовал себя, вырвавшись из трюма и отмежевавшись от мятежной сходки. Он решил идти в свою каюту – скоро четыре склянки и надо будет снова докладывать Бакленду. Сейчас вахтенный офицер отправит матроса его будить – к этому времени надо быть в койке. Однако, добравшись до грот-мачты, Буш застал там невероятную сумятицу. Ни в чем не замешанный офицер не оставил бы ее без внимания. Следовательно, он должен (так сказал себе Буш) спросить, что тут происходит. Здесь располагались морские пехотинцы, и все они поспешно одевались в своих койках. Те, кто надел уже штаны и рубаху, застегивали портупею.

– Что происходит? – спросил Буш, делая вид, будто не знает, что на корабле творится нечто необычное.

– Не могу знать, сэр, – ответил рядовой, к которому он обратился. – Сказали нам выходить. С ружьями, тесаками и боевыми патронами.

Сержант морской пехоты выглянул из-за перегородки, отделявшей помещение для унтер-офицеров от остальной палубы.

– Приказ капитана, сэр, – сказал он и заорал на пехотинцев: – Быстрее!

– А где капитан? – Буш изо всех сил пытался изобразить полную непричастность.

– Где-то на корме. Послал за корабельной полицией, а мне велел будить людей.

Четверо рядовых пехотинцев вместе с капралом составляли судовую полицию. Круглые сутки полиция несла дозор у капитанской каюты. Капитану достаточно было одного слова, чтобы поднять на ноги охрану и окружить себя хотя бы несколькими вооруженными и дисциплинированными людьми.

– Очень хорошо, сержант, – сказал Буш. Он постарался принять озабоченный вид и заспешил на корму, словно желая узнать, что там происходит. Однако ему было страшно. Он чувствовал, что готов на все, лишь бы не продолжать свой путь навстречу неизвестности. Появился Уайтинг, капитан морской пехоты, небритый и сонный, пристегивая шпагу поверх рубашки.

– Какого черта?.. – начал он, увидев Буша.

– Спросите кого-нибудь другого! – ответил Буш, подражая естественному поведению Уайтинга. Нервы Буша были на пределе, и обычно бездеятельное воображение разыгралось. Он представил себе, как в обманчивой тишине трибунала прокурор спрашивает Уайтинга: «Было ли поведение мистера Буша вполне обычным?» Жизненно важно, чтобы Уайтинг смог ответить: «Да». Буш даже ощутил шершавое прикосновение веревки к своей шее. Однако в следующий миг ему уже не пришлось разыгрывать изумление. Он и впрямь удивился.

– Доктора! – раздался крик. – Позовите доктора!

Прибежал побледневший Уэллард:

– Позовите доктора Клайва!

– Кто заболел, Уэллард?

– К-капитан, сэр.

Уэллард был в смятении, но вот следом за ним появился Хорнблауэр. Он тоже был бледен и тяжело дышал, однако, по-видимому, уже взял себя в руки. Взгляд, которым он обвел полутемное помещение, скользнул по Бушу, словно не замечая его.

– Приведите доктора Клайва! – крикнул Хорнблауэр высунувшемуся из каюты мичману, потом другому: – А вы бегите за первым лейтенантом. Попросите его спуститься сюда. Ну, бегом!

Задержавшись на Уайтингге, взгляд Хорнблауэра скользнул дальше, туда, где пехотинцы разбирали со стоек ружья.

– Почему поднялись ваши люди, капитан Уайтинг?

– Приказ капитана.

– Тогда вы можете их построить. Но я не думаю, чтобы в этом была надобность. – Только сейчас Хорнблауэр заметил Буша. – О, мистер Буш. Раз вы здесь, я передаю вам руководство. Я послал за первым лейтенантом. Капитан расшибся – боюсь, очень сильно, сэр.

– Но что случилось? – спросил Буш.

– Капитан упал в люк, сэр.

В неярком свете Хорнблауэр смотрел прямо на Буша, но тот ничего не мог прочесть в его глазах. В кормовой части нижней пушечной палубы собралась толпа, и сообщение Хорнблауэра, первое определенное сообщение за это время, было встречено возбужденным гулом. Недисциплинированный шум, к счастью, вызвал у Буша естественную реакцию.

– Молчать! – заорал Буш. – Занимайтесь своими делами!

Он обвел взглядом толпу, и она смолкла.

– Я спущусь вниз, с вашего разрешения, сэр, – сказал Хорнблауэр. – Нужно посмотреть, как там капитан.

– Очень хорошо, мистер Хорнблауэр. – Буш столько раз произносил эту стандартную фразу, что она прозвучала вполне обычно.

– Идите со мной, Уэллард, – сказал Хорнблауэр и повернулся.

Тут появились еще несколько человек – Бакленд с бледным напряженным лицом, рядом с ним Робертс, из каюты вышел заспанный Клайв в рубашке и штанах. Все они чуть вздрогнули при виде пехотинцев, строящихся в шеренгу на палубе. Ружейные дула отсвечивали в слабом свете фонарей.

– Вы прямо сейчас идете, сэр? – спросил Хорнблауэр, оборачиваясь к Бакленду.

– Иду, – ответил тот.

– Ради бога, что тут происходит? – спросил Клайв.

– Капитан расшибся, – коротко отвечал Хорнблауэр. – Поспешите. Вам понадобится свет.

– Капитан... – Клайв заморгал, стряхивая с себя сон. – Где он? Эй, дайте мне фонарь. Где мои помощники? Бегите, разбудите моих помощников. Их койки в лазарете.

Так что в конце концов по трапу двинулась процессия из шести человек с фонарями – четыре лейтенанта, Клайв и Уэллард. Ожидая у трапа, Буш украдкой взглянул на Бакленда: лицо первого лейтенанта подергивалось от волнения. Бакленд неизмеримо охотней ступал бы под градом картечи по изуродованной снарядами палубе. Он вопросительно посмотрел на Буша, но Клайв был совсем близко, и Буш не осмелился ничего сказать. Кстати, знал он не больше Бакленда. Они не ведали, что ждет их внизу: арест, позор, может быть – смерть.

Фонарь осветил красный мундир с капральскими нашивками и белую португепю стоявшего у люка морского пехотинца.

– Есть что доложить? – спросил Хорнблауэр.

– Нет, сэр. Нечего, сэр.

– Капитан лежит внизу без сознания. Его охраняют два пехотинца, – сказал Хорнблауэр Клайву, указывая вниз.

Врач с трудом протиснул в люк свое массивное тело и исчез.

– Теперь, капрал, – произнес Хорнблауэр, – расскажите первому лейтенанту, что вы об этом знаете.

Капрал стоял по стойке «смирно», заметно нервничая под взорами четырех лейтенантов. По опыту службы он, вероятно, знал, что неприятности среди верхних чинов запросто могут выйти боком простому капралу, которого угораздило, пусть и невинно, впутаться в это дело. Он стоял навтыжку, стараясь никому не смотреть в глаза.

– Говорите же! – резко произнес Бакленд. Он тоже нервничал, но это было вполне естественно для первого лейтенанта, чей капитан только что получил серьезную травму.

– Я, значит, караульный капрал, сэр. В две склянки я сменил часового у капитанской каюты.

– Да?

– И... и... снова пошел спать.

– Черт! – сказал Робертс. – Докладывайте же!

– Меня разбудил один из джентльменов, сэр, – продолжал капрал. – По-моему, он артиллерист.

– Мистер Хоббс?

– Кажись, его так звать, сэр. Он говорит: «Приказ капитана, выводите караул». Я, значит, вывожу караул, вижу, капитан с Уэйдом, часовым, то есть, я его поставил, значит. В руках он держал пистолеты, сэр.

– Кто, Уэйд?

– Нет, сэр, капитан, сэр.

– Как он себя вел? – спросил Хорнблауэр.

– Ну, сэр... – Капрал не хотел говорить ничего дурного о капитане, даже обращаясь к лейтенанту.

– Ладно, отставить. Продолжайте.

– Капитан сказал, сэр, сказал он, значит, сказал, сэр: «Идите за мной», и тому джентльмену он сказал: «Выполняйте свой долг, мистер Хоббс». Мистер Хоббс, значит, пошел в одну сторону, сэр, а мы с капитаном, значит, сюда, сэр. «Затеваается мятеж, – сказал он. – Гнусный кровавый мятеж. Мы должны захватить мятежников. Поймать их с поличным». Так сказал капитан.

Из люка высунулась голова доктора.

– Дайте еще фонарь, – сказал он.

– Как капитан? – спросил Бакленд.

– Похоже, что у него сотрясение мозга и несколько переломов.

– Сильно расшибся?

– Пока не знаю. Где мои помощники? А, вот и вы, Коулмен. Тащите лубки и бинты, да поживей. Еще прихватите доску для переноски раненых, парусину и веревки. Ну, бегом! Вы, Пирс, спускайтесь, помогите мне.

Так что лекарские помощники исчезли, не успев появиться.

– Продолжайте, капрал, – сказал Бакленд.

– Я не помню, чего говорил, сэр.

– Капитан привел вас сюда.

– Да, сэр. Значит, в руках у него были пистолеты, я уже говорил, сэр. Одну шеренгу он послал вперед. «Заткните каждую щель», – сказал он, и еще он, значит, сказал: «Вы капрал, берите двоих караульных и идите на поиски». Он... он, орал, как... У него пистолеты были в руках.

Говоря, капрал испуганно посмотрел на Бакленда.

– Все в порядке, капрал, – произнес тот. – Говорите правду.

Известие о том, что капитан без сознания и, возможно, сильно расшибся, успокоило его, как успокоило оно Буша.

– Я повел свою шеренгу по трапу, сэр, – сказал капрал. – Иду, значит, впереди с фонарем, ружья-то при мне нет. Спускаемся мы к подножию трапа, сюда, где мешки, сэр, а капитан нам через люк: «Быстрее! Не дайте им уйти! Быстрее же!» Вот мы, значит, и полезли через припасы, сэр.

Приближаясь к развязке, капрал смолк. Возможно, он добивался дешевого театрального эффекта, однако, скорее всего просто боялся впутаться в историю, способную повредить ему, несмотря на полную непричастность.

– И что же дальше? – спросил Бакленд.

Тут вновь появился Коулмен, нагруженный разнообразными приспособлениями; на плече он нес шестифутовую доску. Лекарский помощник взглянул на Бакленда, испрашивая разрешения пройти. Получив это разрешение, он положил на палубу доску, парусину и веревки, а со всем остальным спустился по трапу.

– Ну? – сказал Бакленд капралу.

– Я не знаю, что случилось, сэр.

– Расскажите, что знаете.

– Я услышал крик, сэр. И грохот. Я всего-то отошел ярдов на десять, не больше. Я, значит, вернулся с фонарем.

– И что же вы увидели?

– Капитан, сэр. Он лежал у подножия трапа как мертвый, сэр. Он упал в люк, сэр.

– И что вы сделали?

– Я попробовал перевернуть его, сэр. Все его лицо было в крови, сэр. Я думал, может, он мертвый, но почувствовал, что сердце бьется.

– Да?

– Я не знал, что мне делать, сэр. Я не знал ни про какой такой мятеж, сэр.

– И что же вы все-таки сделали?

– Я оставил двух моих людей с капитаном, сэр, и пошел наверх, поднять тревогу. Я не знал, кому это доверить, сэр.

Была своя ирония в этой ситуации: капрал боялся, что его заставят отвечать за такой пустяк – надо ли было послать гонца или идти самому. В то же время четыре лейтенанта рисковали головой.

– Ну?

– Я увидел мистера Хорнблауэра, сэр. – Облегчение в голосе капрала прозвучало эхом того облегчения, которое он испытал, увидев наконец, на кого переложить свою непомерную ответственность, – Он был с молодым джентльменом, кажись его Уэллард звать. Я ему сказал, что с капитаном. Мистер Хорнблауэр, значит, велел мне стоять здесь, сэр.

– Вы поступили правильно, капрал, – произнес Бакленд тоном судьи.

– Спасибо, сэр. Спасибо, сэр.

По трапу вскарабкался Коулмен. Снова взглядом испросив разрешения у Бакленда, он передал сложенное у люка снаряжение кому-то, стоящему внизу. Потом опять полез по трапу. Буш глядел на капрала. Закончив рассказ, тот вновь ощутил себя неловко под взглядами четырех лейтенантов.

– Итак, капрал, – неожиданно заговорил Хорнблауэр, – вы не знаете, как капитан упал в люк?

– Нет, сэр. Конечно нет, сэр.

Хорнблауэр один раз взглянул на своих коллег. Всего один раз. Слова капрала и взгляд Хорнблауэра несказанно успокаивали.

– Он был возбужден, вы сказали? Ну, отвечайте же.

– Ну... да, сэр. – Капрал вспомнил, что совсем недавно так неосторожно сболтнул, и вдруг сделался словоохотлив. – Он кричал нам в люк, сэр. Я думаю, он перегнулся вниз. Он, наверное, упал, когда корабль накренило. Думаю, зацепился ногой за комингс и полетел головой вниз.

– Так оно, наверное, и было, – сказал Хорнблауэр.

Клайв поднялся по трапу и встал над комингсом.

– Сейчас я буду его выносить. – Посмотрев на четырех лейтенантов, доктор сунул руку за пазуху рубашки и вытащил пистолет. – Это лежало рядом с капитаном.

– Я заберу, – сказал Бакленд.

– Там еще один должен быть, судя по тому, что мы только что слышали, – сказал Робертс. До этого он молчал и сейчас заговорил слишком громко. Он был возбужден, и поведение его могло показаться подозрительным всякому, кто имел основания подозревать. Буш почувствовал приступ раздражения и страха.

– После того как мы поднимем капитана, я прикажу поискать, – сказал Клайв, потом позвал, наклонившись к люку: – Поднимайтесь.

Первым появился Коулмен с двумя веревками в руке, за ним пехотинец: одной рукой он цеплялся за трап, а другой придерживал ношу.

– Давайте потихоньку, – сказал Клайв.

Коулмен с пехотинцем вылезли из люка и вытащили верхний край доски. К ней было привязано спеленатое, как мумия, тело. Это наилучший способ вносить по трапу человека с переломанными костями. Пирс, другой лекарский помощник, карабкался сзади, придерживая нижний край доски. Когда она приподнялась над комингсом, офицеры столпились у люка, помогая ее вытащить. В свете фонарей Буш видел над парусиной лицо капитана. Насколько можно было разглядеть (бинты закрывали нос и один глаз), лицо это было спокойным и ничего не выражало. На одном виске запеклась кровь.

– Отнесите его в каюту, – распорядился Бакленд.

Момент был важный: если капитан выбывает из строя, долг первого лейтенанта – взять на себя командование, и четыре слова, произнесенные Баклендом, показывали, что он это сделал. Приняв командование, он мог отдавать приказы даже в отношении капитана. Однако этот важный шаг был вполне в рамках заведенного порядка: Бакленд десятки раз принимал временное командование кораблем в отсутствие капитана. Заведенный порядок помог ему пройти через критическую ситуацию, а привычки, сформировавшиеся за тридцать лет службы на флоте – сначала мичманом, потом лейтенантом, – позволили вести себя с подчиненными и действовать как обычно, несмотря на неопределенность его ближайшего будущего.

И все же Буш, внимательно за ним наблюдавший, не был уверен, что привычки хватит надолго. Бакленд был явно потрясен. Это можно было бы объяснить естественным состоянием офицера, на которого в таких поразительных обстоятельствах свалилась огромная ответственность. Так мог бы решить ни о чем не подозревавший человек. Но Буш, с ужасом гадавший, как поведет себя капитан, придя в сознание, видел, что Бакленд разделяет его страхи. Кандалы, трибунал, веревка палача – мысль о расплате лишала Бакленда воли к действию. А жизнь или, во всяком случае, будущее всех офицеров на корабле, зависели от него.

– Простите, сэр, – сказал Хорнблауэр.

– Да? – отозвался Бакленд и с усилием добавил: – Да, мистер Хорнблауэр?

– Можно мне записать показания капрала, пока события еще свежи в его памяти?

– Очень хорошо, мистер Хорнблауэр.

– Спасибо, сэр, – сказал Хорнблауэр. На его лице нельзя было прочесть ничего, кроме почтительного усердия. Он повернулся к капралу: – Доложите мне в моей каюте, после того как вновь поставите караул.

– Да, сэр.

Доктор и его помощники давно унесли капитана. Бакленд не двигался с места – казалось, он парализован.

– Надо еще разобраться со вторым пистолетом капитана, – сказал Хорнблауэр все так же почтительно.

– Ах, да. – Бакленд огляделся по сторонам.

– Здесь есть Уэллард, сэр.

– Ах, да. Он подойдет.

– Мистер Уэллард, – сказал Хорнблауэр, – спуститесь с фонарем и поищите пистолет. Принесете его первому лейтенанту на шканцы.

– Есть, сэр.

Уэллард почти успокоился; уже некоторое время он не сводил глаз с Хорнблауэра. Теперь он поднял фонарь и спустился по трапу. То, что Хорнблауэр сказал про шканцы, проникло в сознание Бакленда – он медленно двинулся к выходу, остальные за ним. На нижней пушечной палубе Бакленду отсалютовал капитан Уайтинг.

– Будут приказания, сэр?

Значит, весть о том, что капитан выбыл из строя и первый лейтенант принял командование, разнеслась по кораблю с быстротой молнии. Бакленду потребовались минута или две, чтобы собраться с мыслями.

– Нет, капитан, – сказал он наконец и добавил: – Прикажите своим людям разойтись.

Когда они поднялись на шканцы, ветер по-прежнему дул с правой раковины и «Слава» летела над зачарованным морем. Над головами вздымались пирамиды парусов, выше, выше, выше, к бесчисленным звездам, корабль качался, и верхушки мачт описывали в небе большие круги. С левого борта только что вынырнул из моря месяц и висел над горизонтом, как маленькое чудо, отбрасывая к кораблю длинную серебристую дорожку. На белых досках палубы отчетливо выделялись черные фигуры людей.

Стоявший на вахте Смит бросился к ним, как только они поднялись по трапу. Больше часа рассказывал он, как в лихорадке, слыша доносившиеся снизу шум и возню, лоя расползающиеся по кораблю слухи, не вправе покинуть пост и разузнать, что происходит на самом деле.

– Что случилось, сэр? – спросил он.

Смит не был посвящен в тайну встречи четырех лейтенантов. Кроме того, капитан не так его притеснял. Однако он не мог не чувствовать всеобщего недовольства, он должен был догадываться, что капитан не в себе. И все же Бакленд был не готов к его вопросу и не приготовил ответ. Наконец заговорил Хорнблауэр.

– Капитан упал в трюм, – сказал он спокойно и без особого выражения. – Его только что в бессознательном состоянии отнесли в каюту.

– Как его угораздило? – изумленно спросил Смит.

– Он искал заговорщиков, – ответил Хорнблауэр все тем же ровным тоном.

– Ясно, – сказал Смит. – Но...

Он прикусил язык. Ровный тон Хорнблауэра предупредил его, что дело деликатное – если продолжать расспросы, придется обсуждать умственное здоровье капитана, а Смицу не хотелось высказывать свое мнение по этому поводу. В таком случае он не хотел больше ничего спрашивать.

– Шесть склянок, сэр, – доложил ему старшина-рулевой.

– Очень хорошо, – машинально ответил Смит.

– Мне нужно записать показания капрала, – сказал Хорнблауэр. – Я заступаю на вахту в восемь склянок.

Раз Бакленд принял командование, он мог отменить нелепый приказ, по которому Буш с Робертсом ежечасно являлись к нему, а Хорнблауэр нес двухвахтное дежурство. Наступила неловкая пауза. Никто не знал, сколько капитан пролежит без сознания и в каком состоянии будет, придя в себя. На шканцы вбежал Уэллард.

– Вот второй пистолет, сэр, – сказал он, вручая оружие Бакленду. Тот взял пистолет и достал из кармана другой. Так он и стоял беспомощно, с двумя пистолетами в руках.

– Мне забрать их у вас, сэр? – спросил Хорнблауэр, беря пистолеты у него из рук. – А Уэллард может помочь мне записать показания капрала. Можно я возьму его с собой, сэр?

– Да, – отвечал Бакленд.

Хорнблауэр повернулся, чтобы уйти, Уэллард за ним.

– Мистер Хорнблауэр... – начал Бакленд.

– Сэр?

– Ничего, – сказал Бакленд. В его голосе прозвучала нерешительность.

– Простите, сэр, но на вашем месте я бы немного отдохнул, – заметил Хорнблауэр, останавливаясь у трапа. – У вас была тяжелая ночь.

Буш внутренне согласился с Хорнблауэром: не то чтобы его заботило, тяжелая ли ночь была у Бакленда, просто, если Бакленд уйдет в каюту, меньше шансов, что он неосторожным словом выдаст себя – и своих сообщников. Тут только до Буша дошло, что именно это Хорнблауэр имел в виду. В то же время он пожалел, что Хорнблауэр от них уходит, и понял, что Бакленд тоже об этом жалеет: Хорнблауэр хладнокровен и быстро соображает, невзирая на опасность. Это он подал всем пример естественного поведения, когда внизу поднялась тревога. Может быть, Хорнблауэр что-то от них скрывал, может быть, он лучше знает, как же капитана угораздило свалиться в люк. Это смущало и волновало Буша, но даже если он был прав, Хорнблауэр ничем себя не выдал.

– Когда, черт возьми, доложится этот проклятый доктор? – произнес Бакленд, ни к кому не обращаясь.

– Почему бы вам не подождать его у себя в каюте, сэр? – сказал Буш.

– Хорошо. – Бакленд заколебался, прежде чем продолжить: – Вам, джентльмены, лучше по-прежнему докладывать мне ежечасно, как приказал капитан.

– Есть, сэр, – отвечали Робертс и Буш.

Как понял Буш, это означает, что Бакленд решил не рисковать: капитан, придя в себя, узнает, как выполнялись его приказы. В тоске и тревоге Буш спустился вниз, чтобы хоть полчасика отдохнуть, прежде чем снова идти докладывать. Поспать он не надеялся. Через тонкую перегородку, отделявшую его каюту от соседней, доносились приглушенные голоса – Хорнблауэр записывал показания капрала.

Глава V

В кают-компании накрывали к завтраку. Этот завтрак был еще молчаливей и печальней, чем обычно. Штурман, баталер, капитан морской пехоты – все произнесли традиционное «доброе утро» и без дальнейших разговоров принялись за еду. Они слышали (как и все остальные на корабле), что капитан пришел в сознание.

Узкие столбы света из люков освещали тесное помещение, «Слава» слегка покачивалась, и лучи двигались по каюте взад и вперед. Через открытую дверь внутрь проникал восхитительно свежий воздух. Кофе был горячий, сухари, пробывшие на борту меньше трех недель, до того пролежали не больше пары месяцев на складе, судя по тому, что в них почти не было жучков. Офицерский кок разумно воспользовался хорошей погодой, чтоб зажарить остатки вчерашней солонины с луком из быстро тающего запаса. Жаркое из солонины, горячий кофе и хорошие сухари, свежий воздух, солнце, ясная погода – в кают-компании должно было быть весело. Вместо этого в ней царили озабоченность, дурные предчувствия, напряженное беспокойство. Буш посмотрел через стол на осунувшегося, бледного и усталого Хорнблауэра. Бушу многое хотелось бы ему сказать, но пока тень капитанского безумия лежала на корабле, следовало молчать.

Бакленд вошел в кают-компанию вместе с доктором. Все вопрошающе посмотрели на них; почти все встали, чтобы выслушать новости.

– Он в сознании, – сказал Бакленд и глянул на Клайва, чтобы тот рассказал подробнее.

– У него слабость, – произнес Клайв.

Буш посмотрел на Хорнблауэра, надеясь, что тот задаст вопрос, который хотелось задать ему самому. Лицо Хорнблауэра казалось ничего не выражающей маской. Он, не отрываясь, смотрел на Клайва, но рта не раскрывал. В конце концов этот вопрос задал Ломакс, баталер.

– Он что-нибудь соображает?

– Ну... – начал Клайв, искоса поглядывая на Бакленда. Было ясно, что меньше всего на свете доктор хочет определенно высказываться по поводу умственного здоровья капитана. – Пока он для этого слишком слаб.

Ломакс, к счастью, был достаточно любопытен и достаточно упрям, чтобы не смутиться уклончивостью врача.

– А сотрясение мозга, – спросил он. – Как оно на нем сказалось?

– Череп не поврежден, – ответил Клайв. – Множественные разрывы кожной ткани. Нос сломан. Сломана клавикула – ключица, то есть, и пара ребер. Он упал головой вперед, что естественно, раз он споткнулся о комингс.

– Как же его угораздило? – спросил Ломакс.

– Он не сказал, – ответил Клайв. – Я думаю, он не помнит.

– Как это?

– Обычное дело, – произнес Клайв. – Можно даже сказать, это симптоматично. После сильного сотрясения мозга у пациента обычно наблюдаются провалы в памяти, охватывающие несколько часов до травмы.

Буш снова взглянул на Хорнблауэра. Лицо младшего лейтенанта было по-прежнему непроницаемо, и Буш решил последовать его примеру, то есть не выдавать своих чувств и оставить другим задавать вопросы. Однако весть была великая, славная, чудесная, и, на вкус Буша, никакие подробности о ней не могли быть излишними.

– Он знает, где он находится? – продолжал Ломакс.

– Он знает, что он на этом корабле, – осторожно сказал Клайв.

Теперь к Клайву повернулся Бакленд; он осунулся, был небрит и выглядел усталым. Однако он видел капитана и вследствие этого был чуть понастойчивее.

– Может ли капитан исполнять свои обязанности? – спросил он.

– Ну... – начал Клайв.

– Ну?

– Временно, наверное, нет.

Ответ был явно неудовлетворительный, но Бакленд, добиваясь его, истратил всю свою решимость. Хорнблауэр поднял бесстрастное лицо и посмотрел прямо на Клайва.

– Вы хотите сказать, что сейчас он не в состоянии командовать кораблем?

Остальные одобряюще загудели, требуя точного ответа. Клайв, оглядев настойчивые лица, вынужден был сдаться:

– Сейчас да.

– Теперь мы хоть знаем, что к чему, – сказал Ломакс. В голосе его звучало удовлетворение, которое разделяли в кают-компании все, кроме Бакленда и Клайва.

Отстранить капитана от командования было необходимо и одновременно очень непросто. Король и парламент совместно назначили Сойера командовать «Славой», и его смещение пахло изменой. Все, кто имел хоть малейшее касательство к этой истории, до конца жизни будут нести несмываемое пятно неподчинения и мятежа. Последний штурманский помощник рискует не получить в будущем нового назначения только из-за того, что служил на «Славе», когда Сойера отстранили от командования. Поэтому следовало соблюсти видимость законности в деле, которое при ближайшем рассмотрении никогда не будет вполне законным.

– Здесь у меня показания капрала Гринвуда, сэр, – сказал Хорнблауэр, – с его крестиком, засвидетельствованные мной и мистером Уэллардом.

– Спасибо, – сказал Бакленд, беря бумагу. В его движении была какая-то неуверенность, словно документ – шутиха, способная взорваться в любой момент, но только Буш, искавший этих колебаний, их заметил. Всего несколько часов назад Бакленд вынужден был бежать, спасая свою жизнь, пробираться по внутренностям корабля, уходя от погони. Имена Уэлларда и Гринвуда напомнили ему об этом, вызвав легкий шок. И тут же, словно вызвали демона, в дверях кают-компании появился легкий на помине Уэллард.

– Мистер Робертс послал меня узнать, какие будут распоряжения, сэр, – сказал он.

Робертс нес вахту и весь извелся от желания узнать, что происходит внизу. Бакленд замер в нерешительности.

– Сейчас обе вахты на палубе, сэр, – почтительно напомнил Хорнблауэр.

Бакленд вопросительно посмотрел на него.

– Вы можете сообщить новость матросам, сэр, – продолжал Хорнблауэр.

Он лез к старшему офицеру с непрошеным советом и тем самым напрашивался на обидное замечание. Однако весь его вид выражал глубочайшее почтение и ничего, кроме желания уберечь старшего от любых возможных хлопот.

– Спасибо, – сказал Бакленд.

На его лице ясно читалась внутренняя борьба. Он по-прежнему боялся слишком сильно себя скомпрометировать – как будто он себя еще не скомпрометировал! Тем более ему не хотелось напрямую говорить с матросами, хотя он уже понял, что сделать это придется. А чем дольше он думал, тем насущнее становилась эта необходимость – по нижней палубе слухи расползаются быстро, и команда, уже прежде выбитая капитаном из колеи, от полной неопределенности становилась все более беспокойной. Нужно, жизненно необходимо было сделать твердое, определенное заявление. Однако чем больше необходимость, тем больше и ответственность. Бакленд явно колебался меж двух огней.

– Общий сбор? – мягко предположил Хорнблауэр.

– Да. – Бакленд в отчаянии ринулся навстречу опасности.

– Очень хорошо. Мистер Уэллард! – сказал Хорнблауэр.

Буш заметил, каким выразительным взглядом тот сопровождал свои слова. Выразительность эта была естественна в ситуации, когда один младший офицер советует другому потопиться, пока старший не передумал. Непосвященный так бы и подумал, но Бушу, которого усталость и тревога сделали проницательным, в этом взгляде почудилось нечто иное. Уэллард был бледен, измотан и встревожен, Хорнблауэр его ободрил. Возможно, сообщил ему, что тайна еще не раскрыта.

– Есть, сэр, – сказал Уэллард и вышел.

По всему кораблю засвистели дудки.

– Все наверх! Все наверх! – кричали боцманматы. – Всей команде строиться за гот-мачтой! Все наверх!

Бакленд нервничал, поднимаясь на палубу, но к началу испытания он более или менее взял себя в руки. Срывающимся бесцветным голосом первый лейтенант сообщил матросам, что из-за несчастного случая, о котором все они могли слышать, капитан в настоящее время не способен командовать судном.

– Но все мы продолжим исполнять свои обязанности, – закончил Бакленд, пристально глядя на ровный ряд поднятых голов.

Буш, смотревший в ту же сторону, заметил седую голову и жирное тело Хоббса, и.о. артиллериста, капитанского любимчика и соглядатая. В будущем дела мистера Хоббса могут пойти по-иному – по крайней мере, пока продлится недееспособность капитана. В том-то все и дело – пока продлится недееспособность капитана. Буш смотрел на Хоббса и гадал, сколько тот знает, и о скольком догадывается – в скольком он присягнет перед трибуналом. Буш попытался прочесть свое будущее на толстом лице старика, но проницательность оставила его. Он не мог догадаться ни о чем.

Матросам приказали расходиться, и на несколько минут воцарились шум и суматоха, пока вахтенные не занялись своими обязанностями, а свободные от дел не спустились под палубу. Именно сейчас, в шуме и суматохе, легче всего было ненадолго остаться с глазу на глаз и избежать постороннего наблюдения. Буш поймал Хорнблауэра у кнехтов бизань-мачты и задал наконец вопрос, мучивший его уже несколько часов; вопрос, от которого столько зависело.

– Как это случилось? – спросил Буш.

Боцманматы выкрикивали приказы, матросы сновали туда-сюда, вокруг двух офицеров царил организованная суматоха, множество людей занималось своими делами. Они стояли обособленные от всех, лицом к лицу. Благоприятный солнечный свет озарил напряженное лицо, которое Хорнблауэр обратил к своему собеседнику.

– Что именно, мистер Буш? – сказал Хорнблауэр.

– Как капитан свалился в люк?

Произнеся эти слова, Буш оглянулся через плечо, вдруг испугавшись: не услышал ли его кто. За такие слова могут повесить. Повернувшись обратно, он увидел, что лицо Хорнблауэра ничего не выражает.

– Думаю, он потерял равновесие, – ровно произнес тот, глядя прямо в глаза Бушу, и тут же добавил: – С вашего позволения, сэр, у меня есть спешные дела.

Позже всех старших офицеров по очереди пригласили в капитанскую каюту своими глазами убедиться, что за развалина там лежит. Буш увидел в полутьме каюты слабого инвалида с лицом, наполовину закрытым бинтами. Пальцы одной руки поминутно двигались, другая рука была в лубке.

– Он под наркозом, – объяснил в кают-компании Клайв. – Я должен был дать ему большую дозу опиумной настойки, чтобы попытаться исправить сломанный нос.

– Я думаю, он размазался по всему лицу, – жестоко сказал Ломакс. – Он был достаточно велик.

– Обширный осколочный перелом, – согласился Клайв.

На следующее утро из капитанской каюты раздались крики: в них звучала не только боль, но и страх. Потом оттуда появились Клайв и его помощники, потные и взволнованные. Клайв тут же отправился конфиденциально доложить Бакленду, но все на корабле слышали вопли, а кто не слышал, узнал про них от тех, кто слышал. Лекарские помощники, которых другие уорент-офицеры забросали вопросами, не смогли держаться с такой важной таинственностью, которую проявлял в кают-компании Клайв. Несчастный инвалид, без сомнения, сумасшедший: когда врач с помощниками попытались осмотреть его сломанный нос, он впал в пароксизм страха, вырывался с безумной силой, так что они, боясь повредить другие сломанные кости, вынуждены были замотать его в парусину, словно в смирительную рубашку, оставив снаружи одну левую руку. Лауданум и кровопускание наконец довели капитана до бесчувствия, но когда вечером Буш его увидел, тот вновь был в сознании. Капитан Сойер съеживался при виде каждого входящего, пугался теней, рыдал. Страшно было видеть, как этот крупный мужчина по-детски оплакивает свои горести и прячет лицо от мира, в котором его измученному сознанию мерещилась одна только мрачная враждебность.

– Часто случается, – менторским тоном говорил Клайв (чем дольше длилась капитанская болезнь, тем охотнее он ее обсуждал), – что травма, падение, ожог или перелом полностью выводят из равновесия и прежде несколько неустойчивый мозг.

– Несколько неустойчивый! – фыркнул Ломакс. – Разве он не поднял среди ночи морских пехотинцев, чтобы ловить в трюме заговорщиков?! Спросите мистера Хорнблауэра, спросите мистера Буша, считают ли они его немного неустойчивым. Он заставил Хорнблауэра нести двухвахтное дежурство, а Буша, Робертса и самого Бакленда вскакивать с постели каждый час, днем и ночью. Да он давным-давно сбрендил!

Удивительно, как у всех развязались языки, стоило им избавиться от страха перед капитанскими шпионами.

– По крайней мере теперь мы сделаем из команды моряков, – сказал Карберри, штурман. В его голосе звучало удовлетворение, которое разделяла вся кают-компания. Парусные и артиллерийские учения, строгая дисциплина и тяжелый труд спланировали развалившуюся было команду. Бакленд явно наслаждался – об этом он мечтал с тех пор, как они миновали Эддистоун. Тренируя команду, он на время забывал о других заботах.

А заботило первого лейтенанта новое ответственное решение, которое вовсю обсуждалось кают-компанией за его спиной. Бакленд уже замкнулся в тишине, приличествующей капитану военного судна. Никто за него решить не мог, и кают-компания наблюдала за ним, как наблюдала бы за боксером на ринге. Они даже заключали пари, предпримет ли Бакленд последний бесповоротный шаг к тому, чтобы объявить себя командиром «Славы», а капитана – неизлечимым.

В капитанском столе были заперты бумаги, а среди них – секретные инструкции, адресованные ему лордами Адмиралтейства. Никто, кроме капитана, этих инструкций не видел, ни одна душа на судне не догадывалась, что в них. Это могли быть самые обычные приказы, например, они могли предписывать «Славе» присоединиться к эскадре адмирала Бискертона, а могли содержать дипломатические тайны, не предназначенные для глаз простого лейтенанта. Бакленд мог по-прежнему держать курс на Антигуа, там сложить с себя ответственность и передать ее старшему морскому офицеру на острове. На Антигуа наверняка найдется какой-нибудь молодой капитан, которого переведут на «Славу» – он прочтет приказы и поведет корабль по назначению. С другой стороны, Бакленд мог прочитать приказы сейчас: вдруг в них что-то чрезвычайно спешное? Антигуа – удобная цель для идущих из

Англии кораблей, однако с военной точки зрения, она не столь желательна, ибо расположена с подветренной стороны от большинства стратегически важных пунктов.

Если Бакленд приведет «Славу» на Антигуа, а потом вынужден будет лавировать против ветра обратно, он может изрядно схлопотать по рукам от лордов Адмиралтейства; если же он прочтет секретные приказы, то может получить выговор за свою самодеятельность. Вся кают-компания догадывалась о его положении, и каждый офицер в отдельности поздравлял себя с тем, что его лично это не касается, и в то же время гадал, что же предпримет Бакленд.

Буш и Хорнблауэр бок о бок стояли на юте, широко расставив ноги на качающейся палубе. Встав поустойчивее, они посмотрели на горизонт в свои секстаны. Сквозь темное стекло Буш видел отраженное зеркалом изображение солнца. Медленно-медленно он начал совмещать нижнюю кромку светила с горизонтом. «Слава» качалась на длинных синих валах, и это мешало Бушу, но он упорно продолжал. Наконец он решил, что изображение солнца село на горизонт, и закрепил секстан. Теперь можно было снять и записать показания. Уступая новомодным предрассудкам, Буш решил последовать примеру Хорнблауэра и замерить широту еще и с противоположной стороны горизонта. Он повернулся кругом и произвел замер. Записав результат, попытался вспомнить, что же надо делать с половиной разницы между двумя показаниями. И с поправкой индекса, и с наклоном. Буш огляделся и обнаружил, что Хорнблауэр уже закончил наблюдения и ждет его.

– Самая большая широта, какую я когда-либо замерял, – заметил Хорнблауэр. – Никогда не был так далеко на юге. Какой у вас результат?

Они сравнили показания.

– Неплохо совпадают, – сказал Хорнблауэр. – В чем затруднение?

– Высоту солнца я взять могу, – ответил Буш. – Это без проблем. Меня смущают расчеты – эти чертовы поправки.

Хорнблауэр на мгновение поднял бровь. Он привык каждый раз в полдень проводить замеры и самостоятельно рассчитывать положение корабля, чтобы не разучиться. Он знал, что технически сложно точно замерить высоту солнца на качающейся палубе, но все никак не мог поверить, что кто-то находит трудными последующие математические расчеты (хотя и знал много тому примеров). Для него они были настолько просты, что, когда Буш выразил желание присоединиться к его полуденным наблюдениям с целью усовершенствоваться, Хорнблауэр счел само собой разумеющимся, что Буша беспокоит только техника работы с секстаном. Однако он вежливо скрыл свое изумление.

– Они несложны, – сказал он и добавил: – сэр.

Умный офицер не станет кичиться перед старшим своим умственным превосходством. Хорнблауэр осторожно подобрал слова для следующей фразы.

– Если бы вы спустились вниз, сэр, вы могли бы просмотреть мои расчеты.

Буш терпеливо выслушал объяснения Хорнблауэра. На мгновение они полностью прояснили ему проблему (лишь поспешное чтение в последнюю минуту позволило Бушу сдать лейтенантские экзамены, хотя помогла ему в этом морская практика, а не знание навигации), но он по горькому опыту знал, что завтра все будет так же туманно.

– Теперь мы можем отметить наши координаты, – сказал Хорнблауэр, склоняясь над картой.

Буш смотрел, как ловкие пальцы Хорнблауэра двигают по карте параллельную линейку. У Хорнблауэра были длинные, худые, довольно красивые руки. Их умелые и точные движения завораживали Буша. Хорнблауэр сильными пальцами взял карандаш и прочертил линию.

– Вот точка пересечения, – сказал он. – Теперь мы можем проверить себя по счислению пути.

Даже Буш мог понять простые действия, нужные чтобы проложить курс корабля по счислению пути со вчерашнего полдня. Твердые пальцы нанесли на карту маленький крестик.

– Видите, мы по-прежнему сдвигаемся к югу, – сказал Хорнблауэр. – Мы еще недостаточно продвинулись на восток, чтобы Гольфстрим начал сносить нас к северу.

– Вы говорили, что никогда не были в этих водах? – спросил Буш.

– Да.

– Тогда как же... Ох, понятно, вы читали.

Буша так же удивляло, что человек может прочитать заранее и таким образом подготовиться к новым условиям, как удивляло Хорнблауэра, что кого-то смущает математика.

– В любом случае мы здесь. – Хорнблауэр постучал по карте карандашом.

– Да, – ответил Буш.

Оба посмотрели на карту, думая об одном и том же.

– Как вы думаете, что сделает первый? – спросил Буш. Пусть Бакленд и законный командир судна, но говорить о нем как о капитане еще рано – «капитаном» оставалось жалкое рыдающее существо, спеленатое парусиной на койке в своей каюте.

– Не знаю, – отвечал Хорнблауэр. – Но он решится сейчас или никогда. Вы же видите, с этого дня нас все время будет сносить в подветренную сторону.

– Что бы сделали вы? – Буша интересовал этот младший лейтенант, такой находчивый в действиях и такой сдержанный в словах.

– Я прочел бы приказы, – тут же ответил Хорнблауэр. – Пусть лучше меня накажут за действия, чем за бездействие.

– Не знаю... – протянул Буш.

С другой стороны, конкретные действия гораздо скорее могли стать поводом для трибунала, чем их отсутствие. Буш это чувствовал, но ему не хватало слов, чтобы выразить свое ощущение.

– Эти приказы могут направлять нас в отдельное плавание, – продолжал Хорнблауэр. – Господи, какой шанс для Бакленда!

– Тоже верно, – сказал Буш.

В голосе Хорнблауэра прозвучало страстное желание. Если кто и жаждал самостоятельного командования с вытекающими из него возможностями отличиться, так это Хорнблауэр. Буш не знал, хотел бы он сам командовать линейным кораблем в опасных водах или нет. Он смотрел на Хорнблауэра с растущим интересом. Хорнблауэр всегда готов к смелым решениям, он, безусловно, предпочитает действие бездействию, он широко начитан и притом хороший практик – в этом Буш не раз имел возможность убедиться. Образованный и в то же время деятельный человек; пылкий и в то же время скрытный – Буш вспомнил, как тактично он вел себя во время чрезвычайного происшествия с капитаном и как ловко он управлял Баклендом.

И... и... что же на самом деле произошло с капитаном? Думая об этом, Буш вновь бросил на Хорнблауэра испытующий взгляд. Он не употреблял сознательно слов «мотив» и «возможность» – это было не в его духе, – но двинулся по пути логических рассуждений, указанному именно этими словами. Он хотел повторить вопрос, который уже задавал, но сделать это значило напроситься на резкий отпор, причем заслуженно. Положение Хорнблауэра было достаточно выгодным, и Буш знал – он не откажется от этого положения по неосторожности или от волнения. Буш посмотрел на худое, пылкое лицо, на длинные пальцы, барабанившие по карте. Неправильно, недолжно, негоже ему восхищаться Хорнблауэром, который не только на два года младше его по возрасту (это не имело значения), но и младше его как лейтенант. Значение имели только даты их назначения – по традициям службы к младшему невозможно испытывать уважение. Иное было бы неестественно и даже попахивало

бы французским эгалитаризмом, тем самым, против которого они сражались. Мысль о том, что он заразился революционными идеями, смутила Буша. Он заерзал на стуле, но так и не смог избавиться от странного чувства.

– Я все это убираю, – сказал Хорнблауэр, вставая из-за стола. – После того как матросы пообедают, я провожу учения орудийных расчетов нижней палубы. А после этого у меня первая собачья вахта.

Глава VI

Закрепив пушки нижней палубы, потные матросы высыпали наверх. «Слава» достигла уже тридцати градусов северной широты, и на гондеке, несмотря на открытые для учения порты, было жарко, а ворочать пушки – работа горячая. Хорнблауэр изрядно погонял свою команду, сто восемнадцать человек, и теперь, высыпав на палубу, на солнечный свет и свежий воздух, они слышали добродушные насмешки других матросов, которым не пришлось работать так тяжело, но которые знали, что скоро придет их черед.

Пушкари вытирали потные лбы и бросали шутки – корявые и грубые, как комья земли, на которой они взросли, – обратно своим мучителям. Офицерам отрадно было видеть бодрых матросов и знать, что преобладает хорошее настроение, что за прошедшие со смены командования три дня атмосфера на корабле значительно улучшилась. Исчезли подозрительность и страх; после краткого неудовольствия матросы обнаружили, что учения и постоянный труд поднимают дух и приносят удовлетворение.

Хорнблауэр, весь в поту, прошел на корму и отдал честь стоявшему на вахте Робертсу. Тот болтал с Бушем возле полуюта. Просьба Хорнблауэра была настолько необычна, что Робертс и Буш с изумлением уставились на него.

– А как же палуба, мистер Хорнблауэр? – спросил Робертс.

– Матросы вытрут ее шваброй за две минуты, сэр, – сказал Хорнблауэр, смахивая пот и с нескрываемым вождением глядя на синее море за бортом. – Еще пятнадцать минут до того, как мне вас сменять – времени довольно.

– Э... очень хорошо, мистер Хорнблауэр.

– Спасибо, сэр. – Хорнблауэр, снова козырнув, нетерпеливо повернулся.

Робертс и Буш обменялись взглядами, в которых веселости было не меньше, чем изумления. Они смотрели, как Хорнблауэр отдает приказания.

– Шкафутный старшина! Эй, шкафутный старшина!

– Сэр?

– Немедленно вооружить помпу для мытья палубы!

– Вооружить помпу для мытья палубы?

– Да. Четырех матросов к рукояткам. Одного к шлангу. Ну-ка быстрее! Я буду здесь через две минуты.

Шкафутный старшина, проводив Хорнблауэра взглядом, принялся исполнять необычный приказ. Хорнблауэр был точен: через две минуты он вернулся, совершенно голый, если не считать намотанного вокруг бедер полотенца. Все это было очень странно.

– Ну, давайте! – крикнул он матросам у помпы.

Они сомневались, но приказ исполнили, по двое бросая свой вес на рукояти: вверх-вниз, вверх-вниз, кланк-кланк. Шланг зашевелился, наполняясь, и в следующий миг из него хлынула струя чистой воды.

– Направьте ее на меня, – сказал Хорнблауэр, сбрасывая полотенце. Теперь он стоял в солнечном свете совершенно голый.

Матрос у шланга заколебался.

– Ну, быстрее!

Все с тем же сомнением матрос подчинился приказу и направил струю на своего офицера, тот закрутился под ней сначала в одну, потом в другую сторону. Зрители явно забавлялись представлением.

– Качайте, сукины дети! – крикнул Хорнблауэр.

Широко ухмыляясь, матросы с таким энтузиазмом налегли на рукояти, что их ноги отрывались от палубы. Вода с силой хлынула из шланга. Хорнблауэр завертелся под жгучей струей, лицо его изображало мучительный восторг.

Бакленд стоял у гакаборта, задумчиво глядя на пенистый след корабля, но стук помпы привлек его внимание. Он зашагал к Робертсу и Бушу взглянуть на странное зрелище.

– Ну и причуды у мистера Хорнблауэра, – заметил он с улыбкой. Улыбка эта была грустная, ибо лицо Бакленда омрачали заботы.

– По-видимому, ему это нравится, – сказал Буш. Глядя, как прыгает под сверкающей струей Хорнблауэр, он в своем тяжелом мундире ощутил покалывание под рубашкой и подумал даже, что приятно позволить себе такой душ, как бы вредно это ни было для здоровья.

– Стой! – завопил Хорнблауэр. – Стой же!

Матросы за помпой прекратили работу, и струя превратилась в струйку, потом исчезла.

– Шкафутный старшина! Уберите помпу. Прикажите вытереть палубу.

– Есть, сэр.

Хорнблауэр схватил полотенце и затрусил по главной палубе. Он взглянул на старших офицеров с ухмылкой, в которой отразились его восторг и хорошее настроение.

– Не знаю, полезно ли это для дисциплины, – заметил Робертс, когда Хорнблауэр исчез. И добавил с запоздалой проницательностью: – Думаю, с этим все в порядке.

– Думаю, да, – согласился Бакленд. – Будем надеяться, он не простудится. Он был такой распаренный.

– По-моему, ему хорошо, сэр, – промолвил Буш. Перед его глазами все еще стояла ухмылка Хорнблауэра. В памяти она слилась с пылким лицом младшего лейтенанта, рассуждавшего, как бы он поступил на месте Бакленда.

– Десять минут до восьми склянок, сэр, – доложил старшина-рулевой.

– Очень хорошо, – сказал Робертс.

Мокрое пятно на палубе почти высохло. На него падали лучи солнца, все еще жаркого в четыре часа пополудни, и с палубы поднимался пар.

– Свистать вахту, – сказал Робертс.

Хорнблауэр с подозрительной трубой выбежал на шканцы; похоже, он натянул одежду с той же быстротой, с которой делал все остальное. Он отдал честь, собираясь сменить Робертса.

– Вы хорошо освежились под душем? – спросил Бакленд.

– Да, сэр, спасибо.

Буш посмотрел на этих двоих: пожилой, снедаемый заботами первый и молодой пятый лейтенант, старший с грустью завидует молодости младшего. Буш кое-что знал о людях. Они никогда не смог бы свести результаты своих наблюдений в таблицы, просто накапливал знания; опыт и наблюдательность вкупе с природной смекалкой формировали его суждения, даже когда он сам не замечал, что рассуждает. Буш чувствовал, что флотские офицеры (про сухопутную часть человечества он не знал почти ничего) делятся на предприимчивых и безынициативных, на тех, кто жаждет действий и тех, кто предпочитает ждать, пока их к этим действиям принудят. Еще раньше он узнал простейшие вещи – что офицеры делятся на толковых и бестолковых, а также на умных и тупых, – последняя классификация почти совпадала с предыдущей, но не всегда. Были офицеры, которые в минуту опасности действовали быстро и разумно, и те, кто этого не умел, – и тут черта проходила не совсем так, как в предыдущем случае. Были офицеры благоразумные и нет, спокойные и беспокойные, с крепкими нервами и слабонервные. В некоторых случаях оценки Буша входили в противоречие с его предрассудками: он склонен был опасаться неординарного мышления и жажды деятельности, тем более что при отсутствии прочих желательных качеств они могли доставить немало хлопот. Окончательным и самым заметным различием из всех, что Буш наблюдал за десять лет непрерывной войны, было различие между теми, кто может вести за собой,

и теми, кого надо вести. Это различие Буш ощущал, хотя и не мог бы выразить словами, тем более такими ясными и определенными.

Именно это различие невольно пришло ему на ум, пока он глядел, как разговаривают на шканцах Хорнблауэр и Бакленд. Послеполуденная вахта закончилась, началась первая собачья вахта – ее должен был нести Хорнблауэр. Традиционное время отдыха: дневной жар спадает, матросы собираются на баке, поглядывая на резвящихся вокруг судна дельфинов. Офицеры, днем дремавшие в своих каютах, поднимаются на шканцы подышать воздухом, размять ноги, поговорить.

На военном корабле в походе негде упасть яблоку – такой тесноты не знают самые мрачные лондонские трущобы, где ютится беднота. Однако долгий и трудный опыт научил его обитателей применяться к этим нелегким условиям. На баке одни чинили одежду, весело переговариваясь между собой, другие, освободив себе квадратный ярд палубы, уселись, скрестив ноги, разложили инструменты, материалы и, не обращая внимания на шум и толкотню, занялись ювелирной работой: резали по кости, вышивали, мастерили крошечные модели. Ближе к корме офицеры гуляли по двое, по трое на тесных шканцах, переговариваясь и не мешая другим гуляющим.

В соответствии с флотской традицией они оставляли наветренную сторону Бакленду, пока тот находился на палубе, а в этот вечер, похоже, Бакленд решил задержаться надолго. Он глубоко ушел в разговор с Хорнблауэром. Они прохаживались вдоль шканцевых каронад, восемь ярдов туда, восемь ярдов обратно; на флоте давно убедились, что, когда пространство для прогулки ограничено, разговор не должен прерываться на поворотах. Каждая пара офицеров, упершись в ограждение, поворачивала обратно. На мгновение они оказывались лицом друг к другу и продолжали разговор без малейшей паузы. Все ходили, сцепив руки за спиной – еще мичманами их начисто отучили держать руки в карманах.

Так ходили и Бакленд с Хорнблауэром. Остальные бросали на них любопытные взгляды, ибо даже в этот золотой вечер, когда солнце садилось с правого борта в эма-лево-синее море, обещая великолепный закат, все знали, что под ними в каюте лежит несчастный больной, наполовину замотанный в смирительную рубашку, и Бакленд должен решить, что же с ним делать. Взад и вперед, взад и вперед ходили Бакленд с Хорнблауэром. Последний по обыкновению держался почтительно, а Бакленд, по видимости, задавал вопросы. Некоторые ответы явно были для него неожиданны: Бакленд не раз останавливался посреди поворота, глядел Хорнблауэру в лицо и, видимо, переспрашивал. Хорнблауэр, судя по всему, твердо, но с почтением стоял на своем. Солнце освещало изможденное лицо Бакленда.

Может быть, счастливая судьба надоумила Хорнблауэра искупаться под помпой – именно с этого начался разговор.

– Военный совет? – спросил Смит Буша, глядя на двух офицеров.

– Вряд ли, – ответил Буш.

Первый лейтенант не станет напрямую просить совета или даже спрашивать мнение у офицера настолько младше себя. И все же... все же это возможно, если начать малозначащий разговор о чем-то другом.

– Только не говорите мне, что они обсуждают католическую эмансипацию³, – сказал Ломакс.

«Вполне возможно, – виновато подумал Буш, – что они обсуждают нечто иное – например, как же капитан свалился в люк». При этой мысли Буш поймал себя на том, что маши-

³ Движение за предоставление католикам равных прав с англиканами. Этот вопрос оставался одним из самых животрепещущих в политической жизни Британии до начала тридцатых годов XIX века, когда Веллингтон, в то время премьер-министр, продал закон, позволивший католикам избираться в парламент.

нально ищет глазами Уэлларда. Тот беззаботно болтал на грота-вантах с мичманами и подштурманами. Но, может быть, Бакленд и Хорнблауэр говорят совсем о другом. Судя по их поведению, темой разговора были теории, а не факты.

– Во всяком случае, до чего-то они договорились, – сказал Смит.

Хорнблауэр отдал честь, и Бакленд повернулся, чтобы идти вниз. Несколько пар любопытных глаз устремились на оставшегося в одиночестве Хорнблауэра. Заметив эти взгляды, он шагнул к офицерам.

– Государственные дела? – Ломакс задал вопрос, который хотелось задать всем.

Хорнблауэр спокойно встретил его взгляд.

– Нет, – улыбнулся он.

– Было похоже, вы обсуждаете что-то важное, – заметил Смит.

– Смотря что подразумевать под этим словом, – ответил Хорнблауэр.

Он все еще улыбался, но улыбка не давала ни малейшего ключа к его мыслям. Наставать дальше было бы грубо: может быть, они с Баклендом обсуждали что-нибудь личное. По их виду ни о чем нельзя было догадаться.

– Ну-ка слезьте с этих гамаков! – крикнул Хорнблауэр. Болтающие мичманы не нарушали ни одного из корабельных предписаний, но это был повод сменить разговор.

Пробили три склянки: прошло три четверти первой собачьей вахты.

– Мистер Робертс, сэр! – выкрикнул из люка часовой, охранявший огнепроводные шнуры дымовых шашек. – Позовите мистера Робертса.

Робертс обернулся.

– Кто меня зовет? – спросил он, хотя, учитывая, что капитан болен, лишь один человек на корабле мог позвать второго лейтенанта.

– Мистер Бакленд, сэр. Мистер Бакленд зовет мистера Робертса.

– Очень хорошо, – сказал Робертс, сбега по трапу.

Остальные переглянулись. Возможно, решающий миг наступил. С другой стороны, Бакленд мог позвать Робертса по самому заурядному делу. Хорнблауэр воспользовался тем, что все отвлеклись, отошел и продолжил прогулку по наветренной стороне судна. Он ходил, подбородком почти касаясь груди, уравнивая наклон головы сцепленными за спиной руками.

Снизу снова раздался крик, подхваченный часовым у люка.

– Мистер Клайв! Позовите мистера Клайва! Мистер Бакленд зовет мистера Клайва.

– О-хо-хо! – многозначительно произнес Ломакс, глядя на спешащего по трапу доктора.

– Что-то случилось, – сказал Карберри, штурман. Время шло, ни второй лейтенант, ни врач не возвращались. Смит, держа под мышкой подзорную трубу как символ своих временных полномочий, отдал Хорнблауэру честь, готовясь сменить его с началом второй собачьей вахты. Небо на востоке почернело, а с правого борта садящееся солнце окрасило его в великолепие алых и золотых тонов. От корабля до солнца все море сверкало золотом, постепенно переходившим в пурпур. Летучая рыбка разорвала поверхность воды и взмыла вверх, оставив на воде мимолетную борозду, словно царапину на эмали.

– Посмотрите! – воскликнул Хорнблауэр, обращаясь к Бушу.

– Летучая рыба, – безразлично ответил Буш.

– Да! А вот еще!

Хорнблауэр перегнулся через борт, чтобы разглядеть получше.

– Вы их еще посмотрите в этом плавании, – сказал Буш.

– Я никогда их прежде не видел.

Удивительная игра выражений прошла по лицу Хорнблауэра: он надел на жгучее любопытство маску полного безразличия, как другой натягивает на руку перчатку. Как ни разнообразна была его прошлая служба, она ограничивалась европейскими морями – несколько

лет опасных боевых действий вблизи французских и испанских берегов, два года на «Славе» в Ламаншском флоте. Хорнблауэр пылко стремился ко всему новому и необычному, ожидающему его в тропических водах. Однако его собеседнику все это было не в новинку, и он не выразил ни малейшего восторга при виде первой в их плавании летучей рыбки. Хорнблауэр не собирался уступать кому-либо в бесстрастности и самообладании: раз чудеса глубин не трогают Буша, они тем более не должны вызывать детского восторга у него самого, по крайней мере явного восторга. Он ветеран, а не новобранец.

Буш поднял голову и увидел, что Робертс с Клайвом поднимаются по трапу в сгущающуюся ночь. Он живо повернулся к ним. Офицеры сошлись теснее, послушать, что же те скажут.

– Ну, сэр? – спросил Ломакс.

– Он это сделал, – сказал Робертс.

– Он прочитал секретные приказы? – спросил Смит.

– Насколько я понял, да.

– Ох!

Наступила пауза, пока кто-то не задал неизбежный глупый вопрос:

– И что в них?

– Инструкции секретные, – сказал Робертс. В голосе его звучала важность – то ли он отыгрывался таким образом за неведение, то ли, став вторым по старшинству, острее ощутил свою значимость. – Если бы мистер Бакленд и доверил мне их содержимое, я все равно ничего не смог бы вам сообщить.

– Верно, – согласился Карберри.

– А как это воспринял капитан? – спросил Ломакс.

– Бедняга! – Теперь, когда все взгляды устремились на него, Клайв раздулся от важности. – Похоже, он принял нас за исчадия ада. Вы бы видели, как он сжался, когда мы вошли. Эти болезненные страхи становятся все острее.

Клайв ждал, что его попросят говорить дальше, и, хотя таковой просьбы не последовало, продолжил рассказ:

– Нам надо было найти ключи от стола. Можно было подумать, мы собираемся перерезать ему горло, так он плакал и пытался спрятаться. Все горести мира – все страхи ада – мучают этого несчастного.

– Но ключ-то вы нашли? – перебил его Ломакс.

– Нашли. И открыли стол.

– И что дальше?

– Мистер Бакленд нашел приказы. Обычный полотняный пакет с адмиралтейской печатью. Пакет был уже вскрыт.

– Естественно, – сказал Ломакс. – И что потом?

– А теперь, я полагаю, – продолжал Клайв, чувствуя общее напряжение, – он их читает.

– А мы так ничего и не знаем.

Все разочарованно замолчали.

– Господи! – воскликнул Карберри. – Мы воюем с девяносто третьего. Почти десять лет. И вы хотите знать, что вас ждет?! Сегодня Вест-Индия – завтра Галлифакс. Мы исполняем приказы. Руль под ветер – отдавай и выбирай. Может – угостят картечью, может – шампанским с захваченного флагмана. Наше дело маленькое. Мы зарабатываем свои четыре шиллинга в день, независимо от погоды.

– Мистер Карберри! – послышалось снизу. – Мистер Бакленд зовет мистера Карберри.

– Господи! – повторил Карберри.

– Теперь вы сможете отработать свои четыре шиллинга в день, – сказал Ломакс.

Замечание адресовалось удаляющейся спине Карберри, который уже сбегал вниз.

– Сейчас мы будем менять курс, – сказал Смит. – Спорю на недельное жалованье.

– Дураков нет, – ответил Робертс.

В предстоящем можно было не сомневаться, ибо Карберри, штурман, отвечал на корабле за навигацию.

Наступила ночь, и лица говорящих были неразличимы в темноте, хотя на западе еще алела узкая полоса и бледная красноватая дорожка пролегла по черной воде к «Славе». Зажгли нактоузные огни; самые яркие звезды уже проступили на черном небе. Верхушки мачт, казалось, задевали их, покачиваясь вместе с кораблем, бесконечно высоко над головами. Пробил судовой колокол, но офицеры не собирались расходиться. Нетерпение росло. Вот Бакленд и Карберри поднялись по трапу. Остальные собрались на другой стороне шканцев, освобождая им место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.